

Nr 1 (16)
STYCZEŃ -
KWIECIEŃ
2007 r.
KRASNODAR

№ 1 (16)
ЯНВАРЬ -
АПРЕЛЬ
2007 г.
КРАСНОДАР

Pismo Krasnodarskiej Organizacji
Regionalnej Polskie Centrum
Narodowo-Kulturalne "Jedność"

Издание Краснодарской региональной
общественной организации Польский
национально-культурный центр "Единство"

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Год назад не стало Станислава Лема, выдающегося философа и писателя-фантаста, книги которого напечатаны более, чем на 40 языках общим тиражом почти в 30 миллионов экземпляров.

КОНЕЦ 50-х годов XX века стал периодом небывалого научно-технического взлёта: совсем недавно был расшеплен атом, произошёл колоссальный всплеск в электронике и кибернетике, фармакология и медицина добились невиданных успехов, в воздухе не только витали, но и осуществлялись идеи полёта в космос. Именно эти явления зачастую становились основополагающим фактором творческой активности писателей-фантастов. И не удивительно, что в то время именно творческая палитра фантастов засияла ярким светом. Интерес к этой теме был огромен — миллионы читателей по всему миру не могли оторваться от произведений Азимова, Бредбери, Каттнера, Кларка, Стругацких. Среди этой славной плеяды Станислав Лем занимал едва ли не самое почётное место.

В дореформенной России фантастика, как жанр, не очень поощрялась на официальном уровне — ну, как-то не удавалось ей вписываться в рамки социалистического реализма. Вероятно поэтому в СССР своих крупных фантастов практически не было. И причина громкого успеха на этом поприще братьев Стругацких до сих пор остаётся для меня необъяснимой загадкой. Произведения иностранных авторов издавались у нас в небольших количествах. Тиражи оседали в столицах и до провинции практически не доходили. И, вероятно, именно из-за сладости запретного (а надо заметить, что переводилось у нас только самое наилучшее) спрос на фантастику у советского читателя был бешеным. Помню, как среди студенческой братвы ходили по рукам лемовские сборники с рассказами о мужественном пилоте Пирксе и вызывающими улыбку своей непосредственностью сказочными «Звёздными дневниками Йона Тихого», а ещё — романы: «Дневник, найденный в ванне», «Сон», «Голос с неба», «Насморк». Эти книги стремительно переходили из рук в руки. Редкому счастливчику томик попадал на три (!!!) дня. За это время книги не раз на лету перехватывались, перебрасывались, вымогались до окончания лекции, до вечера, до утра, Первый раз «Солярис» мне довелось читать именно на лекциях. А чтоб не было заметно куда глаза смотрят — были надеты тёмные очки.

(Окончание на 20-й стр.)

Екатерина Безпрозванная. *Солярис*. 2004 г.

ŻYCIE POLONIJNE

28 января 2007 г. в Краснодарской детской художественной школе им. В. А. Пташинского прошёл торжественный вечер, посвящённый Кубанской Полонии. Вечер оказался довольно насыщенным. Началось мероприятие с выступления председателя правления КРОО Польский национально-культурный центр «Единство» *пана Александра Селицкого*, рассказавшего об истории и нынешних днях польского населения Кубани. После его выступления состоялись презентация историко-публицистической работы члена Союза писателей *пана Игоря Ясинского* «Поляки на Кубани и Северном Кавказе» и чествование концертмейстера польского фольклорно-этнографического ансамбля «Сковронэк» *пана Геннадия Матковского*, удостоенного звания заслуженного работника культуры Кубани. Поздравить пана Геннадия пришли его друзья — талантливые кубанские музыканты *пан Виктор Михайловский* и *пан Александр Гогава*, исполнившие ряд песен из своего репертуара. Ещё одним приятным моментом мероприятия стало награждение членов Польского центра «Единство» — участников краевой зональной встречи с детьми с ограниченными возможностями «Кубань — наша малая Родина».

В рамках оканчивающихся рождественских торжеств и в честь всех «героев» вечера состоялся концерт фольклорно-этнографического ансамбля «Сковронэк» (художественный руководитель — *пани Ядвига Гарлинская-Гжеляк*). После чего прошли дружеские посиделки с тостами и песнями.

14 февраля 2007 г. председатель Польского центра «Единство» *пан Александр Селицкий* принял участие во встрече членов Совета при главе администрации Краснодарского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека с кубанским губернатором А. Н. Ткачёвым. На трёхчасовой встрече были обсуждены самые разные проблемы, в том числе вопросы международного взаимодействия в крае и опыт работы краснодарского Центра национальных культур.

15 февраля 2007 г. члены фольклорно-этнографического ансамбля «Сковронэк» организовали традиционный для поляков *Thusty czwartek* («жирный четверг»), предшествующий началу Великого Поста. Хозяйка вечера — *пани Ядвига Гарлинская-Гжеляк* — приготовила знаменитые польские пончики и другие вкусности. Участники вечера смогли вспомнить и воспроизвести обычаи, связанные с этим днём, а также познакомились с рецептами старопольской кухни. Один из рецептов см. на 19 странице нашего издания.

18 февраля 2007 г. в Краснодарской детской художественной школе им. В. А. Пташинского прошёл Польский карнавал «Запусты», во время которого были представлены традиции этого фольклорного праздника, прозвучали польские народные песни, был инсценирован обычай изгнания злых сил. Обстановка вечера с масками и танцами повторяла польские традиции и обычаи, а также тот польский темперамент, с которым всегда проводились карнавалы. Праздник надолго запомнилась всем участникам вечера. Фоторепортаж о празднике см. на странице 11 нашего издания.

**Пани Дорота Шапочка
с сыном Павликом**

24 марта 2007 г. состоялось долгожданное открытие актового зала муниципального учреждения «Общественно-информационный центр города Краснодара». Благодаря заботе городских властей всё здание по улице Красноармейской 53, в котором размещаются краевые и городские

Фольклорно-этнографический ансамбль «Сковронэк»

«ЖИРНЫЙ ЧЕТВЕРГ»

Везде — как и в городе, так и в деревне весело и шумно отмечалась последняя неделя Масленицы, которая начиналась в *жирный четверг* — последний карнавальным четвергом.

День этот проходил преимущественно в обильной еде и питье, а столы ломились под тяжестью посуды с традиционными масленичными блюдами. В так называемых высших сферах в жирный четверг с самого утра сервировали мясо, преимущественно дичи: серны, куропаток, а также ветчину из кабана и зайчьи кострицы под аппетитными соусами.

Ели и изысканно приготовленную птицу, например, индюков откормленных на грецких орехах, для придания мясу нежности и приятного вкуса, начинённых изюмом, миндалём, печёных каплунов, рябчиков, и всякого рода паштеты. А все эти отличные блюда запивались изысканными рейнскими, бургунскими, шампанскими, венгерскими винами, гданьской водкой и домашними наливками.

В крестьянских же домах готовили много густо заправленной маслом и сметаной еды: каши и капуста со шкварками, на стол ставилось свиное сало и жир, а у богачей также мясо, сваренное в бульоне, и разного рода *чувствительные* — из-за их чересчур обильного чесночного запаха — колбасы. Поговаривали, что в жирный четверг надобно столько раз за день поесть грудинки, сала, заправленной каши и другой жирной пищи: ...*сколько раз кот хвостом махнёт...* то есть многократно.

В жирный четверг везде должны присутствовать приготовленные на жиру сладкие оладьи, блины и пампушки а также лучшая нежнейшая сдоба, пончики и хворост, называемый фаворками.

Уже в XVII-XVIII веках варшавские кондитеры славились искусством приготовления замечательных пончиков и традиционно поставляли их на карнавалы, и конечно же, в жирный четверг на королевский двор и стол, а также на знаменитые *четверговые обеды* короля Станислава Августа Понятовского.

Пончики, ведь, не одно столетие считаются замечательным польским карнавальным деликатесом и специфическим блюдом польской кухни.

ŻYCIE POLONIJNE

национально-культурные объединения было отремонтировано и вновь принимает в своих стенах представителей разных народов. К торжественному открытию был приурочен Пятый Краснодарский городской фестиваль национальных культур. В программе торжеств были традиционные национальные песни и танцы, а также показ народных обрядов и выставка традиционного прикладного искусства народов, проживающих на Кубани. Ведущими праздника были председатель Центра адыгской культуры *госпожа Сафием Шамова* и председатель Польского центра «Единство» *пан Александр Селицкий*. Почётным гостем торжества стал мэр города Краснодара *В. Л. Евланов*, пожелавший дальнего развития национальных культур и укрепления добрых межнациональных отношений в регионе.

27 марта 2007 г. в Краснодарской центральной городской библиотеке им. Н. А. Некрасова состоялась презентация книги *пана Игоря Ясинского* «Синдром бешенства». В книгу И. Э. Ясинского включены повести и рассказы, посвящённые проблемам современной жизни. Автор книги – человек одарённый: увлечённый садовод и писатель-прозаик, фантаст. Работы Игоря Ясинского неоднократно публиковались в различных кубанских и российских изданиях, переведены на польский язык. О вечных истинах автор пишет не скучно, не нравоучительно, его произведения читаются легко и увлекательно. Книга издана в Майкопе в 2006 г.

2 апреля 2007 г. в Краснодарском римско-католическом костёле Святого Либория прошла Святая Месса, в которой все собравшиеся вспоминали имя Папы Иоанна Павла Второго, оставившего нас в этот день два года назад. После службы членами Польского центра «Единство» был организован просмотр фильма «Не бойся! Я молюсь за тебя!» (автор сценария и режиссёр – Тамара Якжина), созданного стараниями Конгресса поляков в России.

8 апреля 2007 г. в Краснодарском костёле Святого Либория состоялись Святые Мессы, посвящённые Великому христианскому празднику – Святой Пасхе. Примечательно, что в этом году радость Христова Воскресения католики и православные отмечали в один день, что делало праздник ещё более важным.

19 апреля 2007 г. в Центре национальных культур совместно с представителями ГУВД Краснодарского края прошёл круглый стол на тему «Гармонизация межнациональных отношений в укреплении мира и согласия между народами, профилактике правонарушений и проявлений экстремизма. Опыт взаимодействия, проблемы». На встрече были обсуждены вопросы межнациональных отношений на территории Краснодарского края в 2006 – начале 2007 г., роли государственных органов и общественных объединений в укреплении мира и согласия между народами Краснодарского края, опыт взаимодействия ГУВД с национально-культурными объединениями Кубани в деле гармонизации межнациональных отношений, культурно-просветительская работа краснодарского Центра национальных культур по выработке толерантности и профилактике правонарушений в межнациональной среде. Одним из активным организаторов круглого стола выступил Польский национально-культурный центр «Единство».

Рассказывает *госпожа Стельмах*

22 апреля 2007 г. в Краснодарской центральной городской библиотеке им. А. Н. Некрасова была проведена Польская гостиная «Дискуссия о поэзии». На встрече гости смогли обсудить такие темы как: что такое поэзия, где и как рождаются стихотворения, как соотносятся поэзия и музыка (*пани Ядвига Гарлинская-Гжеляк*). Участники вспомнили многие польские патриотические, религиозные, лирические стихотворения, узнали о детской поэзии в Польше (*пани Альбина Федина*) и многое другое. Интересное сообщение о польской литературе в фондах библиотеки им. А. Н. Некрасова сделала заведующая отделом абонемент *госпожа Любовь Стельмах* – один из активных организаторов польских мероприятий в библиотеке.

Приятным продолжением вечера стали поэтические выступления членов Польского центра, представивших на суд слушателей собственные произведения.

Пани Федина о поэзии

Одно из этих стихотворений – *пана Сергея Ганночки* – можно прочесть на стр. 18 нашего издания.

27 апреля 2007 г. в муниципальном учреждении «Общественно-информационный центр города Краснодара» прошло открытие национальной гостиной, во время которого состоялся круглый стол «Взаимодействие органов государственной и муниципальной власти и национально-культурных общественных организаций». Во встрече принимали участие национальные лидеры Кубани, представители краевых и городских властей, ГУВД Краснодарского края, Главного управления Федеральной регистрационной службы по Краснодарскому краю, а также члены партии «Единая Россия». Участники встречи пришли к выводу о необходимости тесного сотрудничества власти и гражданского общества.

Сразу после круглого стола в актовом зале прошёл Второй фестиваль молодёжных творческих коллективов «Песни и танцы народов мира», в рамках которого состоялось выступление польского рок-коллектива «Белый Грифон», исполнившего музыкальные композиции на польском и английском языках.

ОТКРЫВШИЙ

Фото 1910-х годов

КАК ПИСАЛА газета, «событие это, взбудоражило всех екатеринодарцев» и во вторник, 21 сентября к 4 часам пополудни город почти вымер: на улице Красной не было ни одного извозчика, все места в трамваях были пусты. Несмотря на то, что билеты, в зависимости от места, стоили от 50 копеек до 3 рублей (по тому времени недёшево) все, кто мог, собрались на ипподроме и вокруг него. В 17 часов с минутами по полю разбежался и впервые взмыл в кубанское небо биплан Фармана, поднявшись на 5 саженей (чуть более 10 метров). Самолёт продержался в небе 10 минут, совершив вокруг ипподрома два больших и два малых круга, плавно приземлился под восторженные крики присутствующих. Газета писала «И так, екатеринодарцы воочию убедились, что воздух побеждён». В 1910 году такой полёт был сенсацией, на Кубани начался эра авиации.

В советское время, информация о многих людях внёсших свой достойный вклад в историю страны, но впоследствии оказавшихся не в ладах с новой властью, либо искажалась, либо просто замалчивалась. Не избежал этой участи и Габер-Влынский. При подготовке, уже в постсоветское время, летописи «Екатеринодар — Краснодар 1793—1993» информация о первом полёте в кубанском небе нашла своё достойное отражение, но о самом лётчике, на тот момент, почти ничего не

19 сентября 1910 года «Кубанские областные ведомости» известили жителей Екатеринодара о предстоящем 21 сентября на ипподроме Кубанского скакового общества полёте «известного авиатора, дипломированного в Париже и Одессе» Адама Мечиславовича Габер-Влынского.

было известно, а ведь личность в истории российской и польской авиации была легендарная. Перед Первой мировой войной популярность авиатора Адама Габер-Влынского была примерно такова, как в середине 1930-х годов Валерия Чкалова, почтовые открытки с его изображением раскупались барышнями и гимназистами. Так что же это был за человек, открывший для кубанцев авиацию?

Адам Мечиславович Габер-Влынский родился в 1883 году в Львове в бедной польской семье. Склонности к получению систематического образования юный Адам не имел, а вот склонность к скитаниям и самостоятельной жизни была у него огромная, поэтому в 17 лет, не завершив среднего образования, он ушёл из семьи и в самом начале XX века стал велогонщиком. Газеты писали, что среди других более известных велосипедистов, впоследствии ставших авиаторами, таких как С. Уточкин и А. Докучаев, он считался «спринтером средней силы», «неоднократно гонялся в Михайловском манеже, а также на треках Варшавы и Львова». Сильно нуждаясь в деньгах, Адам

«Фарман» перед полетом

одно время даже подрабатывал переписчиком в велосипедном магазине. Накопив, наконец, к 1910 году нужную сумму, он по примеру многих своих знакомых уезжает во Францию, чтобы стать авиатором — для тогдашних спортсменов самое престижное и романтическое занятие.

ЛЁТНОЕ мастерство Адам Мечиславович постигал сначала на фирме Блерио, а потом в знаменитой школе Анри Фармана, из которой вышли все первые знаменитые российские лётчики (Нестеров, Ефимов, Уточкин, Заикин и другие). К середине 1910 года он возвращается в Россию с «бrevé de полёт», как тогда называли лётное свидетельство,

и собственным «Фарманом-IV» с которым совершил большое эффектное турне по многим городам, в том числе выступил и в нашем городе. Это турне сразу приносит Габер-Влынскому известность и популярность. Участвуя в Московской авиационной неделе 1911 года, он становится третьим после признанных асов М. Ефимова и А. Васильева.

С конца 1911 года Габер-Влынский работал лётчиком-испытателем на московском заводе фирмы «Дукса». Будучи одновременно инструктором в московской школе авиации на Ходынке, он дал путёвку в небо не одной сотне русских лётчиков. Адам Мечиславович одним из первых освоил «Мёртвую петлю» Петра Нестерова и установил множество авиационных рекордов, в том числе на дальность перелётов. Весной 1913 года он устанавливает одновременно шесть всероссийских рекордов, из которых четыре в одном полёте на «Фармане-XVI». С учётом его победы на 3-й Петербургской неделе авиации Габер-Влынского считали на тот период лучшим русским лётчиком, а его рекорды были лучшей рекламой продукции «Дукса», шеф-пилотом которого он стал.

Габер-Влынский и Юнгмейстер (в шлемах). 1911 год

КУБАНСКОЕ НЕБО

На заре авиации нередки были катастрофы, многие с печальными последствиями, но Адама Мечиславовича судьба поначалу хранила. На конкурсе военных самолётов 11 сентября 1913 года с пилотируемого им самолёта «Меллер-II» сорвался 80-сильный мотор и с высоты в 50 метров упал на стоявший на земле самолёт Игоря Сикорского «Русский витязь» (этот исторический самолёт существовал в единственном экземпляре, но Сикорский не стал его восстанавливать, так как уже строился его «Илья Муромец»). На «Меллере-II» стержни фермы не были разрушены, и Габер-Влынский сумел благополучно совершить посадку прямо на беговую дорожку заполненного людьми ипподрома, счастливо избежав жертв среди публики.

8 мая 1914 года Габер-Влынский снова попал в аварию на Ходынском поле, при испытательном полёте на самолёте «Депердюссен». В результате погиб летевший с ним механик А. А. Мухин, сам лётчик получил переломы бедра и голени левой ноги. Катастрофа на Ходынке вызвала широкий резонанс в прессе, обвинявшей владельцев завода «Дукс» в недобросовестном копировании приобретенной ими модели французского аэроплана.

Адам Мечиславович быстро залечил переломы и в этом же 1914 году шеф-пилот фирмы «Дукс» впервые в мире продемонстрировал над Ходынским полем весь комплекс фигур высшего пилотажа.

Начавшаяся Первая мировая война прервала яркую спортивную карьеру Габер-Влынского. Оставаясь поданным Австро-Венгрии, он не мог участвовать в боевых действиях с русской стороны. В годы войны он продолжил лётную деятельность на Ходынке, сдавая самолё-

ты и обучая лётчиков, изредка участвуя в показательных полётах в Петербурге.

ОБ ИНТЕНСИВНОСТИ его работы в годы войны говорит тот факт, что в 1917 году все без исключения серийные самолёты «Дукса» облётывали только А. М. Габер-Влынский и Б. И. Россинский (в советское время разрекламированный как «дедушка русской авиации», он получил пилотское свидетельство в Московской школе в 1911 году, где его инструктором был тот же Габер-Влынский). Он облётывал по 28–29 самолётов в месяц (личный рекорд 11 августа 1917 года – 5 самолётов в день). Всего в 1911–1917 годах он облетал более тысячи самолётов «Дукса» и сдал военному ведомству 483 аэроплана (Б. И. Россинский – лишь немногим более 100 машин).

Почтовая открытка

Для справки: с 1914 по октябрь 1917 года на долю завода «Дукс» пришлось 1596 сданных самолётов из 5620 построенных за это время в России.

Октябрь 1917 года круто изменил судьбу Габер-Влынского. После «классовых чисток» в авиационной школе он уехал в Польшу, испытал свой последний «Фарман-XXX» постройки «Дукса» 24 ноября 1918 года. Последние годы жизни он провёл в Люблине, где работал

заводским лётчиком-испытателем и инструктором в Высшей школе пилотов, за короткий срок, подготовив около 300 польских лётчиков.

Буквально с момента обретения независимости молодое Польское государство оказалось втянуто в военные конфликты практически со

21 июня 1921 года в Люблине при испытании первого лицензионного экземпляра самолёта «Баллила»: во время пилотажа на малой высоте одноместный истребитель скользнул на левое крыло и зацепил землю. Лётчик погиб мгновенно. Поскольку военные, занимавшиеся за-

Габер-Влынский (справа) перед роковым полётом на «Баллиле»

всеми своими соседями и естественно остро нуждалось в вооружении, в том числе и в боевой авиации. Не имея квалифицированных специалистов, комиссия под руководством генерала Катковского заключила летом 1919 года в Турине договор с компанией «Ансальдо» на поставку итальянского самолёта «Баллила», поскольку полякам понравились высокая скорость и большой запас горючего: недостатки стали сказываться позднее. Сами итальянцы к тому времени уже отказались от этого самолёта и сняли его с вооружения из-за постоянных поломок и аварий, компания «Ансальдо» находилась на грани банкротства. Во время военной кампании 1920 года большинство «Баллил» оказались в нелётном состоянии, часть успели сжечь, остальные достались войскам Семёна Будённого. Тем не менее, у компании «Ансальдо» была куплена лицензия на производство самолёта в Польше.

Адам Мечиславович Габер-Влынский разбил

купками самолётов и лицензии, были коррупционно связаны с компанией «Ансальдо», в акте заключения не смогли придумать ничего лучшего, как обвинить погибшего лётчика в рискованном пилотаже.

Поскольку имя Габер-Влынского в России всё ещё было на слуху, в советской прессе был опубликован некролог о его смерти. Устные же легенды и предания об Адаме Мечиславовиче сохранялись среди авиаторов десятилетиями, несмотря на официальное замалчивание его биографии в отместку за эмиграцию и службу Юзефу Пилсудскому. Не случайно один из первых Героев Советского Союза А. В. Ляпидевский после спасения челюскинцев в 1934 году писал о своих встречах с ветеранами авиации: «Старых лётчиков всё равно ничем не удивишь и Габер-Влынским в их глазах не станешь».

Алексей АНДРЕЕВ
(ОССОВСКИЙ)

NASI W KRAJU

На встрече с Марией Качиньской

По инициативе общества «Общие корни» на празднование Пасхи в Польшу были приглашены пожилые лица польского происхождения из разных уголков России. В одной «команде» оказались представители Москвы и Улан-Удэ, Иркутска и Ярославля, Краснодара и Пятигорска...

Это были ветераны войны и труда, бывшие узники концлагерей и те, чьё детство пришлось на военные годы - в их судьбах война навсегда оставила свой чёрный след.

ИЗ МОСКВЫ, где группа собиралась, мы поездом прибыли в Тересполь, а уже через несколько часов оказались на Дворцовой площади Люблина. Здесь нас ожидали представители общества «Общие корни» и семей, в которых нам предстояло провести праздничные дни. Трудно подобрать слова, чтобы выразить отношение этих людей к нам — внимание, забота, радушие, предупредительность...

На следующий день, 7 апреля, мы отправились на экскурсию по городу, начавшуюся с посещения музея под открытым небом «Майданек». Нет людей старшего поколения, которые не слышали бы об этом фашистском концентрационном лагере во времена войны. После этого мы побывали в Католическом университете и бегло ознакомились со Старым городом.

Праздник Пасхи, ради которого мы сюда приехали, начался со Святой Мессы в ближайшем от нашего жилья костёле. Польская речь, убранство храма, торжество богослужения производили на нас неизгладимое впечатление.

В семье Яна и Янины Гайдуков я жил вместе с ветераном войны Леонардом Борковским из Пятигорска. В 1945 году он участвовал в освобождении Польши. Путь его части пролегал через Сандомах и Ченстохову. Об этом стало известно Люблинскому телевидению и, когда мы возвращались из костёла, то в доме нас уже ждали телеоператоры и журналистка. Центром всеобщего интереса был, конечно же, Леонард. Его фотографии, воспоминания, стихи о Польше никого

не оставили равнодушным. Но и мне также перепало немного внимания.

Отвечая на вопрос о своих польских корнях, я вспоминал рассказы своих родителей о депортации поляков в 1936 году из Житомирщины в холодные и пустынные степи Северного Казахстана. Там я и родился во время войны. Двое братьев отца и двое братьев мамы воевали в Войске Польском. Они остались в живых, а трое из них осели в Польше. А мой отец, Болеслав Доминикович, хотя имел «бронь» от призыва, работал комбайнёром и претворял в жизнь лозунг «Хлеб—фронту». Вместе с супругой, Хеленой Адамовной, воспитал шестерых детей. Непомерные нагрузки рано свели в могилу этого трудолюбивого, порядочного и скромного человека.

Уже вечером этого же дня сюжет был показан по местному телевидению, а на следующий день его повторила Варшава. И надо же было случиться, что его увидел зитель столицы Юзеф Загурский. Через люблинское телевидение он нашёл гида нашей группы и через него пригласил меня на встречу. На встрече, которая состоялась в варшавской гостинице через несколько дней, выяснилось, что мой прадед Бенедикт и его дед Францишек — родные братья. После окончания Первой мировой войны Францишек обосновался в независимой Польше, а Бенедикту выпала участь жить в СССР. Проговорили мы с Юзефом до полуночи, обменялись адресами, пригласили друг друга в гос-

ти и уже по-семейному обнялись на прощание.

Вечером 10 апреля мы уже бродили по Рыночной площади прекрасного Кракова. И даже моросящий дождь не мешал нам любоваться красотами и достопримечательностями древнего города. Это и башни Марицкого костёла, с одной из которых звучит хейнал, обрываемый трубачом на той же ноте, что много веков назад не прозвучала, когда татарская стрела трубача сразила, и памятник величайшему польскому поэту Адаму Мицкевичу и многое другое. А когда мы спустились к реке, то увидели дракона и вход в его пещеру — любимую цель семейных прогулок. А вот невдалеке от Рыночной площади распростёрлась огромная плоская лужайка, служащая местом отдыха или многолюдных сходов. На литургиях, которые служил здесь Папа Римский Иоанн Павел Второй, собиралось до миллиона верующих. Именно здесь проводятся разнообразные фестивали и конкурсы.

Утром следующего дня мы посетили костёл современной архитектуры, а затем направились на Вавельскую возвышенность в Королевский замок, помнящий времена наибольшего расцвета древней польской столицы.

Всего два часа нам было отведено на знакомство с такими достопримечательностями, как кафедральный собор, места упокоения польских королей, исповедальня Святого Станислава, усыпальница великих польских поэтов: Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого, Киприана

ПАСХА-2007

NASI W KRAJU

Норвида, огромный колокол «Зыгмунт», который звучит лишь в случаях, очень важных для станы и города. После встречи с директором краковского Дома Полонии, мы на автобусе отправились в Ченстохову.

МОНАСТЫРЬ Отцов Паулинов на Ясной Гуре — один из главных центров паломничества для христианского мира. Кроме свидания с Чудотворным Образом Богоматери, который многие века притягивает к себе верующих, нам предстояло участие в вечернем богослужении, встреча с Президентом Ченстоховы и отдых в «Доме паломника».

Утром 12 апреля автобус увозит нас в Варшаву. Только по пути в столицу удаётся осознать и до конца прочувствовать значимость калейдоскопа последних событий. Поселили нас в отеле неподалёку от Президентского дворца и вскоре пригласили туда на

В ПОЛЬШЕ

экскурсию. До недавнего времени Бельведерский дворец был резиденцией Президента Польши, а теперь здесь музей, экспонаты которого рассказывают о возрождении Речи Посполитой в XX веке и о её первом руководителе — Начальнике Государства Юзефе Пилсудском. Экскурсия завершилась праздничным ужином, устроенным для нас супругой Президента Марией Качиньской, которая сердечно нас приветствовала. В свою очередь приглашённые дарили первой пани страны различные сувениры: альбомы, книги, красочные поделки из своих регионов. Прозвучало много тёплых слов в адрес Президента Леха Качиньского, который непосредственно курировал акцию «Пасха-2007 в Польше».

День 13 апреля начался для нас осмотром Музея Варшавы: фильм, интересные экспонаты, увлекательный рассказ. Из Музея выходим на Рыночную площадь Старого города с памятником «Варшавская Сиренка» посредине. Далее — Замковая площадь с колонной Сигизмунда III Вазы, великолепный дворцово-парковый ансамбль Лазенки, вид Варшавы с 30-го этажа бывшего Дворца культуры и науки. И фотоаппараты, и видеокамеры здесь были очень кстати. После непродолжительной встречи с представителями администрации города наша группа отправилась в Люблин, а я задержался в Варшаве, чтобы встретиться со своей кухней, которую не видел лет двадцать. Милый вечер в уютной комнатке дома, построенного лет сорок тому

назад, я провёл в обществе Ванды — дочери старшего и Анджея — сына младшего братьев моего отца. Пенсионерам в Польше, как впрочем и у нас, выживать ныне не легко. Но встреча оказалась необычайно интересной, и было нам о чём поговорить. Для меня очень любопытно было узнать, что отец Анджея, полковник Войска Польского Эдвард Загурский, переводил на русский язык известную у нас книгу «Маршал двух народов» о Константине Рокоссовском.

В полдень 14 апреля нашу группу собрали в живописном месте у озера Залев Зембожицкий, где руководство общества «Общие корни» устроило для нас день отдыха. Если учитывать средний возраст участников поездки, то это оказалось как нельзя кстати. За четыре прошедших дня мы не только набегались, но и так напитались впечатлениями о Люблине, Кракове, Ченстохове и Вар-

шаве, что хотелось ненадолго остановиться и немного поразмышлять. Великолепный пейзаж, негромкая музыка, хорошо сервированный стол создали незабываемую атмосферу праздника. На встречу были приглашены и семьи, приютившие нас на эти дни.

Разговоры, смех, танцы Я не сильно преувеличу, если скажу, что для большинства из нашей группы эти

танцы стали первыми в XXI веке. Все мы общались друг с другом достаточно свободно — в нашей группе многие знали польский, а среди поляков старшего поколения знание русского было едва ли не всеобщим.

На следующий день мы приняли участие в Святой Мессе, посвящённой годовщине Катинской трагедии. Печальную торжественность этой службе придали многочисленные знамёна и участие ветеранов Войска Польского, солдат нынешнего поколения, большое количество молодёжи в красивой харцерской форме.

В тот же день состоялась церемония помещения урны с землёй из сибирской польской деревни Вершина у подножия статуи Божьей Матери в одном из скверов города.

День накануне отъезда был свободен от экскурсий, и мы использовали его для пробежек по магазинам и киоскам в поисках сувениров. Не обошлось и без курьёзов, когда при ближайшем рассмотрении вожеленное приобретение оказывалось китайского производства.

И вот наступил час прощания. Мы собрались на площади вместе с представителями общества «Общие корни», с членами семей, ставших для нас такими близкими. Звучат прощальные слова, пожелания, приглашения в гости. Мы благодарим всех за гостеприимство. Автобус трогается...

Мы не прощаемся с тобою, Польша! Мы говорим тебе: «До свидания!».

Франциск ЗАГУРСКИЙ

Z DZIEJÓW WIELKIEGO ZWYCIĘSTWA

Przedemną siedzi niewielka wzrostem i nad wiek smukła siwa babunia. Jest to Olga Parchimowicz, absolwentka z 1942 roku Kubańskiej Akademii Medycznej imienia Armii Czerwonej. Ona z przejęciem wspomina lata zawieruchy wojennej.

LPIEC 1942 roku. W drodze z Krasnodaru, skąd ewakuowali się już wszyscy kto potrafił, a nawet komisariat wojskowy, posuwa się tłum ucuekinierów. Razem z nimi idą absolwenci Kubańskiej Akademii Medycznej, którzy dopiero co uzyskali dyplomy.

Dziewczyny w wieku około 23 lat, ubrane w lekkie sukienki i sandały, rozpoczęły tułaczkę, która była długa i ciężka, od bezskutecznego poszukiwania komendy uzupełnień. Wędrowka trwała w upał po zakurzonych drogach na piechotę, a niekiedy na dachach wagonów kolejowych. Towarzyszyły jej ciągłe ataki bombowe i ogniowe lotnictwa. Dla Olgi los był taskawy – zarówno w drodze, jak i w pierwszym szpitalu w Gudaucie, gdzie ona stawiała samodzielnie już kroki w charakterze fachowca, towarzyszył jej ojciec, który tak samo był lekarzem. Dopiero po ośmiu miesiącach, kiedy ona powróciła do Krasnodaru, została lekarką wojskową. Dostała skierowanie na etat chirurga do Szpitala Polowego nr 1609 przy 58. Armii, która wówczas prowadziła trudne boje na najcięższym odcinku frontu – na tzw. „Linii Błękitnej”. Potok rannych był nieustający. Operacje trwały całodobowo, pomimo, że ciągle towarzyszyły im bombardowania i ostrzały artyleryjskie. Pani Olga wspomina również Krym, boje za wyzwolenie Sewastopola, kiedy lekarze dosłownie walili się z nóg.

W roku 1944 dla Olgi Parchimowicz rozpoczęła się nowa kartka życiorysu wojennego – służba w Armii Polskiej. Stało się to zupełnie niespodziewanie, a nie odbyło się bez trwogi i konsternacji. Owszem, dziadek był Polakiem, lecz ona po polsku w ogóle nie umiała. Jednak rozkaz – to rozkaz:

*С сослуживцами.
Медсанбат, ноябрь 1944 г.*

Военврач О. А. Пархимович

LEKARKA WOJSKOWA OLGA PARCHIMOWICZ

„Lejtnant służby medycznej O. Parchimowicz jest skierowana do Szóstej Dywizji Wojska Polskiego w charakterze chirurga”. Przybyła do Przemyśla, gdzie dywizja była dopiero formowana. W sztabie dywizyjnym spotkano ją życzliwie. Chociaż jest taka młodzianka, a już posiada doświadczenia lekarza wojskowego. Wreszcie ubrano ją w polski mundur polowy i mianowano porucznikiem. Dla współtowarzyszy pozostała panną Olgą. Stosunki pomiędzy lekarzami, pielęgniarkami i sanitariuszami w batalionie medycznym układały się bardzo przyjaźnie. Większość personelu pochodziła z terenów Zachodniej Ukrainy i Białorusi, więc wszyscy rozumieli po rosyjsku. Tym nie mniej trzeba się było adaptować do nowego otoczenia oraz uczyć polskiego, tradycji i regulaminów armii polskiej, a nawet polskich modlitw i piosenek – przecież codziennie rano i wieczorem maszerowano do wspólnej modlitwy. Wkrótce panna Olga wyznaczona została na lekarza 24. pułku artylerii. Była komunikatywna, usposobienie miała wesołe, więc szybko zadziękowała sympatie żołnierzy i oficerów, co jak najlepiej sprzyjało pracy. Trwały trudne szkolenia bojowe. Pułki ćwiczyły na placu i w polu. Medycy poza zwykłą działalnością ambulatoryjną ćwiczyli uruchomienia szpitala polowego, odbioru rannych oraz przeprowadzania operacji chirurgicznych.

Wreszcie ćwiczenia skończyły się, dywizja została sformowana. W końcu roku 1944 wojska Pierwszego Frontu Białoruskiego, do składu którego wchodziła Pierwsza Armia Wojska Polskiego, rozpoczęły natarcie. Trudności boju lekarze udczuwali z ilości

rannych, z liczby zrobionych operacji, z liczby bezsennych nocy, spędzonych na salach operacyjnych.

Kiedy w dniu 17 stycznia 1945 roku samochody batalionu medycznego przejeżdżały przez spaloną i zrujnowaną Warszawę medycy byli wstrząśnięci widokiem stolicy. Wkrótce odbyła się w Warszawie defilada po której dywizja ponownie została rzucona do bojów. Tym razem o Wał Pomorski, o Kołobrzeg.

Pani Olga opowiedziała mi romantyczną przygodę, jaka zdarzyła się jej w najtrudniejszym ostatnim okresie wojny. Dywizja walczyła o Berlin, ruchy jej jednostek były błyskawiczne. Batalion medyczny ledwie nadszedł z przebazowaniami. Stało się tak, że 30 ciężko rannych żołnierzy już po przeprowadzeniu operacji pozostawiono w miasteczku w oczekiwaniu na transport samochodami do tyłów armijnych. Opiekowała się rannymi sama tylko lekarka Olga oraz pielęgniarka Mielcia. Już ściemnia

się, lecz samochody nie nadjeżdżają. Zakrada się lęk – co się stanie z rannymi, gdyby zostali okrażeni przez przeciwnika? Czego potrafią dokonać dwie dziewczyny, które umieją wyłącznie tnać i opatrywać, lecz nie strzelać? Nagle Olga dostrzega na drodze dwojga idących. Nie, to nie są Niemcy. Coś cudownego: byli to radzieccy lotnicy, którzy do kwatery dowódcy frontu Żukowa przywieźli marszałków. Istotnie obawa, że Niemcy będą uciekać tą właśnie drogą, była uzasadniona, więc sytuacja wyglądała na

*Память о военной жизни
в польской армии, 1945 г.*

WYCIEZKA DO PIATIGORSKA

krytyczną. W tej sytuacji jeden z lotników – Iwan zdecydował się pozostać by bronić rannych i dziewczyny. Przez całą noc on był na posterunku, żeby w razie konieczności zginąć razem z nimi. Na szczęście Niemcy tą drogą pędzili o tyle szybko, że nikogo nie zauważyli. Rano samochodami przyjechali dowódcy dywizjonu i batalionu medycznego by się dowiedzieć czy są cali. Iwan (z nazwiska pozostał dla niej nieznanym) gniewnie wymówił tym, co porzucili swych podwładnych na niechybną śmierć oraz obiecał wstawiennictwo dla mężnej Olgi celem przeniesienia jej z oddziału, gdzie jej nie doceniają. Rycerskość Iwana, który gotów był zginąć, broniąc innych, była dla Olgi wzruszająca, lecz porzucić batalionu medycznego, w którym nie tylko ze wszystkimi się zaprzyjaźniła, lecz nawet żyła się, nie była w stanie.

Dzień Zwycięstwa ona spotkała niedaleko Berlina. Gdy zbudzeni zostali przez grzmot strzałowy, pomyśleli, że chyba natrafili na nich niedobitki niemieckie. Kiedy dowiedzieli się rzeczywistej przyczyny – poczęli wiwatować. Gorące uścisku i łązy radości z tamtego dnia zapamiętała na zawsze.

W drodze do Polski zdarzyło się nieszczęście – przewrócił się samochód, którym jechała Olga. Przez całą wojnę omijały ją zranienia, lecz tym razem dostała zwichnięcia ramienia oraz została mocno potłuczona. W Andrychowie niedaleko Krakowa została kierowniczką Wojskowego Domu Wypoczynkowego. W grudniu podczas krótkiego pobytu w Warszawie, niespodziewanie trafiła do szpitala, gdzie przeprowadzono jej operację chirurgiczną dla usunięcia następstw potłuczeń. Nowy 1946 rok spotkała na łóżku szpitalnym.

Po tym zdarzeniu, nie zważając na namowy, Olga zdecydowała się powrócić do Związku Radzieckiego. W przedwiośniu ze łzami pożegnała kolegów bojowych i opuściła Polskę. W moskiewskim pułku rezerwowym jeszcze przez miesiąc czekała ona, aż nadejdzie skierowanie do Krasnodaru. W drodze do domu napotkała przyszłego męża. W listopadzie urodziła syna. Po demobilizacji wstąpiła do ordynatury, a po jej ukończeniu w roku 1949, przez dwa lata pracowała w Groźnym w Szpitalu dla Inwalidów Wojny. W Krasnodarskim obwodowym Wydziale Ochrony Zdrowia w ciągu trzech lat pełniła urząd inspektora do spraw położnictwa, zaś od roku 1955 przez 38 lat była etatowym konsultantem ginekologicznym w szpitalu psychiatrycznym.

Weteran wojny i pracy Olga Parchimowicz posiada pięćdziesięcioletni (!) staż lekarski, ponad dwa dziesiątki odznaczeń państwowych, w tym polskie: dwa srebrne *Krzyże Zasługi*, srebrny medal *Zasłużonym na polu chwały, Za Warszawę, Za Odrę, Nysę, Bałtyk, Medal Zwycięstwa i Wolności 1945* oraz *Oznakę Grunwaldzką*. Dzień Zwycięstwa jest szczególnie bliski dla Pani Olgi, gdyż zawarta jest w nim cząstka jej udziału.

Ludmiła WOJTKO

Latem 2006 roku zostaliśmy zaproszeni do Piatigorska na obchody 15-lecia Związku Polaków na Kaukaskich Wodach Mineralnych w ramach Dni Kultury Polskiej.

POJECHALIŚMY tam we trójkę, to znaczy – ja z panami Mateuszem Uspińskim i Pawłem Szczukim – członkami zespołu „Skowronek”.

Pierwszego dnia na otwarciu Dni Kultury Polskiej złożyłam pozdrowienia i mały upominek: książki o Krasnodarze od naszej „Jedności” i życzyłam im w imieniu swoim i naszego Prezesa dalszego rozwoju i jedności.

Wysłuchaliśmy referatu pana Aleksandra Bogolubowa „Polacy na Kaukazie Północnym” – była to bardzo ciekawa i treściwa informacja.

Tego samego dnia obejrzelśmy wystawę malarzy Polonii Kaukaskiej oraz wystawę konkursową rysunków dziecięcych „Polska – Moja Ojczyzna”. Zwidziliśmy wystawę „Etnograficzne bogactwa Piatigorska” w Muzeum Krajoznawczym.

Następnego dnia, po uroczystej mszy w kościele, zwiedziliśmy Piatigorsk. Po południu – Koncert Galowy w Domu Twórczości Ucznia, w którym bierzemy czynny udział. Śpiewamy trzy piosenki z krakowskiego, wciągając do wspólnego śpiewu publiczność

Piatigorską: „Płynie Wisła, płynie”, „Jabłoneczkę” i „Ptaszka z Łobzowa”. „Ptaszka” śpiewał mój wnuk Antoś, gdy był wraz z innymi dziećmi latem w Polsce na wakacjach. Ta niedługa dziecięca piosenka, opiewająca Kraków i jego dzielnicę Łobzowo – zrobiła tam furorę.

Nasze dzieci zaprzyjaźniły się z dziećmi Piatigorska. Po koncercie: polski bigos i przyjęcie u państwa, którzy nas gościnnie przyjmowali u siebie w domu.

Trzeciego dnia swojego przebywania w Piatigosku zwiedzamy to piękne miasto i jego okolice dzięki dobrym chęciom i ofiarności pani prezeski Haliny Nesterenko i jej zastępczyni pani Heleny Brodowskiej.

Dziękujemy wszystkim za gościnność, a zwłaszcza pani Łarisie Wołkowej z synem Michałem, która nas spotkała na dworcu, dała nam nocleg i wyżywienie w swoim obszernym pięknym domu, gdzie czuliśmy się jak u siebie.

Dziękujemy też panu Bogolubowowi za oprowadzenie i opowiadanie historii Kościoła Piatigorskiego.

Tak pełni wrażeń wracamy do Krasnodaru. W pociągu skromniutko i cichutko obchodzimy urodziny Pawła. Wycieczka do Piatigorska stała się dla niego chyba prezentem urodzinowym.

Jadwiga GARLIŃSKA-GRZELAK

ШАСТЕНУЧНЫЕ КАРНАВАТЫ

Запустами (Масленицей) в Польше звалось время народных гуляний от Нового года и до кануна Великого Поста, либо только последние три дня или даже день перед Постом. Эти последние три дня носили также старинное название *мясопуст* (от «мясо отпускать», т.е. прощаться с ним на период Поста).

Запуст -
персонафикация
карнавального времени

ПОЛЬСКИЕ народные гуляния и карнавалы кутежи подтверждаются письменными источниками ещё XVI века, но их традиция наверняка старше.

Первые же печатные упоминания о польских масленичных гуляниях появляются в XVII веке. Этим же периодом датируются комические оратории, звучавшие в полночь последнего дня запусов и сохранившиеся только в рукописях, но цитируемые в более поздних произведениях.

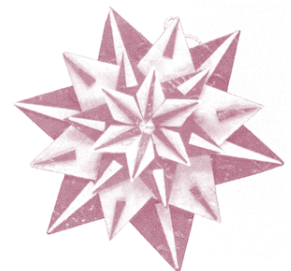
В Польше, как и в других странах Европы, карнавал был временем застолий и возлияний, танцев и непрерывающихся развлечений, которым и отдавалось предпочтение. Развлекались и веселились все

сословия и в городе и на селе. Делали это богатые и бедные, молодые и старые, красивые и увечные, а все в меру своих средств и запасов; ели много, жирно, а ещё больше пили. По народному обычаю на запусты переодевались в евреев, цыган, нищих, медведей, лошадей, коз, аистов и т.п. Дни мясопуста, или остатки, получили также название «бешеных дней». Во всех трак-

тирах и корчмах плясали и веселились.

На шляхетских и магнатских дворах устраивалась охота и турниры, роскошные и очень пышные застолья и балы, в том числе модные в Польше уже в XVII веке костюмированные балы-маскарады.

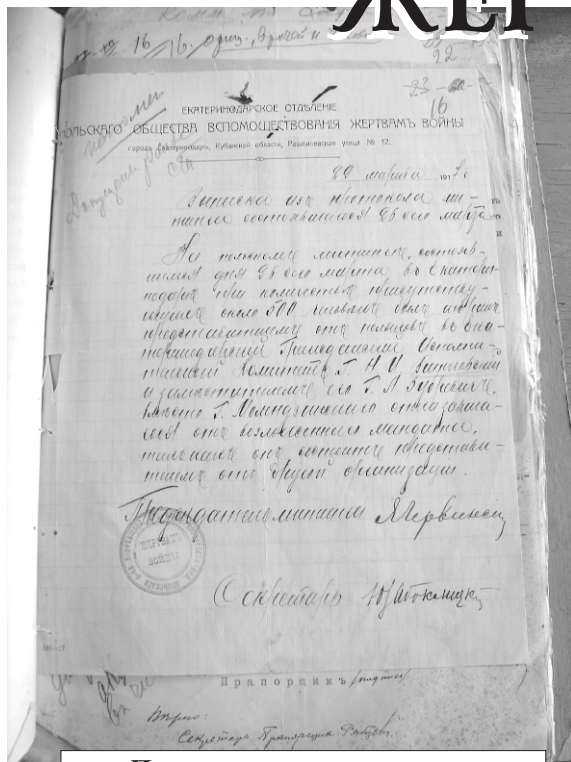

КАРНАВАЛ В КРАСНОДАРЕ

Медведь запустный

«ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ЖЕРТВАМ ВОЙНЫ»

**Протокол польского митинга
в Екатеринодаре 26 марта 1917 г.**

В ПЕРИОД Первой мировой войны на Кавказе действовало более десятка отделений, в частности в таких городах как Армавир, Владикавказ, Екатеринодар, Эривань, Майкоп, Новороссийск, Сочи, Ставрополь, Тифлис и др. Отделения создавались по инициативе местной польской интеллигенции и предпринимателей, при активном участии римско-католических священников. Местные поляки уже имели опыт оказания помощи нуждающимся, активно работая в римско-католических обществах пособия бедным, создаваемых со второй половины XIX в.

В результате военных действий и оккупации польских земель, количество поляков на Кавказе заметно увеличилось. Кроме беженцев это были раненые солдаты царской армии, а также солдаты-военнопленные из армий Тройственного блока.

В большинстве своём отделения были малочисленными. Как правило, руководство осуществлялось на общественных началах местными поляками, которые одновременно работали в российских государственных учреждениях и зачастую им не хватало времени на общественную работу. В ряде случаев это вызывало рост негативных настроений

Екатеринодарского окружного суда Юстиния Реутт; секретарь отделения – служащий фабрики «Кубаноль» Юзеф Зух, казначей – директор 1-го Общества взаимного кредита Владислав Малиновский; членами ревизионной комиссии были: директор маслобойни барона Штейнгеля Эдуард Уейский, член Екатеринодарского окружного суда Ян Венордин, чиновник Владикавказской ж.д. Игнатий Чаплицкий, а после его выхода из состава комиссии – коммерсант, владелец склада сельскохозяйственных орудий на ул. Красной – Теофил Фиалковский; одним из членов комитета стал настоятель Екатеринодарского римско-католического прихода – отец Владислав Селява. Всего в конце 1915 г. в состав комитета входил 21 человек, в основном чиновники и служащие разных учреждений и их жёны. Заседания комитета проходили каждый вечер, все они протоколировались. Ревизионная комиссия собиралась ежемесячно. Судя по имеющимся высказываниям, члены комитета, а также призываемые рассматривали Екатеринодарское отделение ПОВЖВ как польскую общину, что вполне объяснимо, учитывая проводимую работу отделения и его связи с другими польскими структурами России.

Для помощи призываемым было создано убежище (ул. Рашпилевская № 12).

Общественная организация с таким названием была создана в августе 1914 г. в Петрограде и имела около 250 отделений по всей России. Руководящий орган организации – Главный комитет. По сути своей «Польское общество вспомоществования жертвам войны» (далее ПОВЖВ) стало общероссийской польской организацией с регулярными съездами в столице, с сетью отделений по всей империи, что смогло произойти именно в условиях начавшейся мировой войны при заметной либерализации позиции российской политической элиты по отношению к польскому вопросу.

среди призываемых. Отделениям, как правило, не хватало финансовых средств. Основные источники поступления денег: членские взносы, пожертвования, завещания, сборы, доходные мероприятия, а также суммы, получаемые через столичное руководство общества.

Екатеринодарское отделение ПОВЖВ начало действовать в октябре 1915 г. Председателем комитета отделения стал директор фабрики «Кубаноль» Ян Червинский, его заместителями были: инженер той же фабрики Юлиан Забклицкий и регистраторша

На октябрь 1916 г. в нём получали помощь 23 человека.

Характерно, что хотя прямым назначением отделения было оказание помощи беженцам-полякам, члены комитета отделения посчитали возможным призывать и раненных солдат, освобождённых от службы. Кроме того, вместе с поляками призывались и литовцы (около 20% всех находящихся в убежище), что лишним раз подчёркивало близость этих народов.

В 1916 г. на каждого призываемого отпускалось около 12 руб. в месяц (что было больше средних 20 коп. в день на человека по решению Особого совещания за 1915 г.). Призываемые получали бельё и питание. В убежище работала своя кухарка и вольнопрактикующий городской врач Пётр Гаас. В обязанности врача входило лечение только беженцев, а также, в порядке исключения, осмотр раненых солдат, по поручению комитета, для выяснения их трудоспособности.

В постоянном и непосредственном контакте с призываемыми находилась Ванда Ярмолинская, имевшая в комитете официальный статус вольнонаёмного делопроизводителя (ежемесячная зарплата 75 руб.). Она и её муж, служивший помощником столоначальника в Екатеринодарской казённой палате, сами были беженцами из Радомы. Кроме работы делопроизводителем, в обязанности Ярмолинской входили приём от беженцев заявлений о пособиях, жалоб, прошений, она же объявляла призываемым о решениях комитета. На Ярмолинской лежало осуществление различных покупок для нужд беженцев. Прежде, чем получить средства для этого, председатель с кем-либо из членов комитета писали казначею ордер-предложение на выдачу денег, после чего казначей выдавал их Ярмолинской, имея ордер как оправдательный документ. После осуществления покупок в канцелярию комитета сдавались все расписки, квитанции и оправдательные документы. Иногда Ярмолинская получала аванс до 100 руб., но каждый её расход также проводился по книгам канцелярии комитета. Такой порядок расходования средств строго

POLACY NA KUBANIU

ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ НА КУБАНИ

соблюдался и ежемесячно проверялся ревизионной комиссией.

Источниками финансирования деятельности отделения были средства отпускаемые из Главного комитета ПОВЖВ, членские взносы комитета и отчасти средства Татьянинского комитета. Екатеринодарское отделение составляло смету расходов на каждые три месяца вперёд (кроме расходов за счёт капиталов Татьянинского комитета) и предоставлял эту смету: в Петрограде съезду польских деятелей, в Кубанский областной комитет помощи лицам, пострадавшим от войны и в Тифлис в канцелярию наместника на Кавказе. По утверждению сметы съездом в Петрограде, отделение получало средства.

В 1916 г., по примеру других отделений ПОВЖВ, комитет Екатеринодарского отделения решил открыть ткацкую мастерскую, чтобы дать работу беженцам и снять их с пайков. На деньги Главного комитета ПОВЖВ на Дубинке (ул. Ставропольская №64) было снято и переоборудовано помещение, куплено два ткацких станка, 21 веретено и несколько сот пудов шерсти. Комитет предложил раненым и беженцам работать в ткацкой мастерской. Раненные от работы отказались категорически, а 16 беженцев стали трудиться.

Открытие ткацкой мастерской было естественно в контексте общероссийской государственной политики, ведь к весне 1916 г. большинство беженцев прочно устроилось в местах водворения. Началось свёртывание политики государственного призрения эвакуированных в сочетании с принуждением трудоспособных обеспечивать себя собственным трудом, вплоть до

лишения уклоняющихся от работы правительственных пособий.

Екатеринодарское отделение ПОВЖВ пыталось играть важную роль в консолидации польского населения города и в период крушения имперской администрации. Так, 26 марта 1917 г. в Екатеринодаре состоялся польский митинг, на котором присутствовало около 500 человек. Председателем митинга был Ян Червинский, а секретарём его заместитель по Польскому комитету Юлиан Забонский. На митинге были избраны представители от поляков в Екатеринодарский гражданский исполнительный комитет – Мечислав Витковский и его заместителем Антон Зубаревич, вместо Стефана Молендинского, отказавшегося от мандата, так как он был представителем от другой организации. Выписка из протокола митинга была предъявлена на бланке Екатеринодарского отделения ПОВЖВ от 29 марта 1917 г. в Екатеринодарский гражданский комитет.

В НОЯБРЕ 1917 г. Екатеринодарское отделение благодарило не желавшую назвать себя, мать уцелевших во время погрома детей, за пожертвование ею 25 руб. на детский приют, а в декабре того же года отделение благодарило распределительную комиссию общества «Чашка чая» за оказанную помощь в уплате за правоучение учащихся средних учебных заведений, детей беженцев, в сумме 680 руб.

Пока трудно определить точную дату прекращения деятельности Екатеринодарского отделения. Так, в одном из списков общественно-политических и религиозных организаций Екатеринодара за 1919 г. из

польских организаций упоминается только «Союз польских граждан». Тем не менее, известна судьба некоторых членов комитета ПОВЖВ. Например, в июне 1919 г. член Екатеринодарского окружного суда Ян Венордн выехал в Польшу, где получил государственную службу. В то же время многие члены комитета остались на Кубани, о чём свидетельствует Список регистрации граждан польского подданства (1921 г.). В нём мы встречаем семьи Буковских, Витковских, Зух, Малиновских, Реутт, Фиалковских, Чаплицких и других. Смогли ли все репатрианты попасть в родную Польшу пока неизвестно.

Армавирское отделение ПОВЖВ было создано в ноябре 1915 г. Председателем отделения стала Теодозия Антоновна Мазарек – супруга известного в Армавире нотариуса и благотворителя Адама Петровича Мазарека, вице-председателем – армавирский ксёндз Игнаций Лабановский. В состав правления отделения вошли: А. Буковская, М. Буковский, Е. Гано, С. М. Голошевский, Э. Гржибовский, Е. Закржевская, М. Ф. Лютостанский, А. П. Мазарек, С. Маньковский и А. Ф. Свидзинский. Судя по Списку абонентов Армавирской правительственной телефонной сети за 1917 г. отделение ПОВЖВ находилось на углу Николаевского проспекта и ул. Бульварной (ныне угол ул. Кирова и Р. Люксембург).

Отделение старалось оказывать помощь польским беженцам, собирая для этого денежные средства, продукты, одежду, подыскивая для них работу и кров. По сообщению газеты «Отклики Кавказа» от 10 ноября 1916 г., на попечение Польского комитета в Армавире находилось 683 чел. В апреле 1916 г. усилиями этой благотворительной организации в городе открылись приют-ясли (68 детей) и школа для детей поляков-беженцев (52 учащихся). Главная заслуга в обучении и воспитании детей принадлежала учительницам В. И. Суделик и Я. К. Завадской, сумевшим в короткий срок блестяще подготовить детей. Преподавание велось на польском языке.

Подобно членам Екатеринодарского отделения ПОВЖВ некоторые члены Армавирского отделения и члены их семей (Буковская, Гжибовские, Лютостанские и др.) пытались репатрироваться на родину, о чем свидетельствует список 1921 г.

В целом можно отметить положительный вклад отделений ПОВЖВ в организацию помощи полякам-беженцам, оказавшимся в чужих краях. Безусловно общество обеспечивало не только материальные, но и духовные потребности беженцев, включая языковое общение, поддержку национальных и религиозных традиций, т.е. играло консолидирующую роль в среде эвакуированного населения.

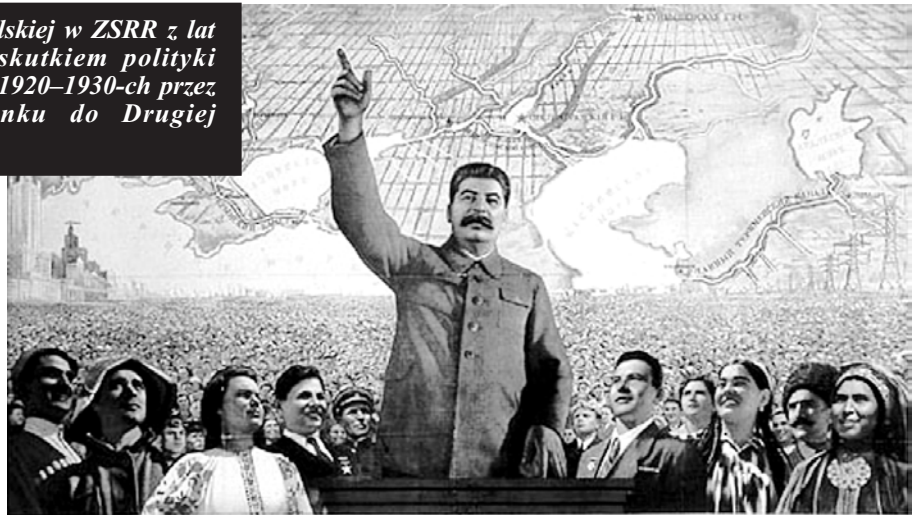
Александр СЕЛИЦКИЙ

В этом доме по ул. Ставропольской, 64 с 1916 года была мастерская ПОВЖВ

Masowe represje wobec ludności polskiej w ZSRR z lat 1937–1938 stały się niewątpliwie skutkiem polityki konfrontacyjnej, prowadzonej w latach 1920–1930-ch przez kierownictwo radzieckie w stosunku do Drugiej Rzeczypospolitej.

ISTOTNIE ostro w owym okresie ujawnił się brak wzajemnego zaufania zarówno na skutek nieudanej próby stworzenia w Polsce reżymu sowieckiego w toku wojny radziecko-polskiej, jak i na skutek Ryskiego układu pokojowego oraz działalności Międzynarodówki Komunistycznej, skierowanej na destabilizację wewnętrznego stanu politycznego w Polsce i na przygotowywanie prokomunistycznego zamachu stanu. Trzeba też zważyć na istnienie nie dających się pogodzić sprzeczności ideologicznych.

ПОД ВОДИТЕЛЬСТВОМ ВЕЛИКОГО СТАЛИНА – ВПЕРЕД К КОММУНИЗМУ!

AKCJA „POLSKA”

Szczególne uwagę Józef Stalin przywiązywał do „Akcji polskiej” z tej racji, że Polska była uważana za sojuszniczkę Niemiec w przyszłej wojnie przeciwko Związkowi Radzieckiemu oraz za przyczółek do napaści na ZSRR. Po zawarciu niemiecko-polskiego porozumienia, wizyty Hermana Goeringa do Warszawy w połowie lat 30-ch kierownictwo radzieckie było pewne, że istnieje dodatkowy tajny protokół o współpracy wojskowej pomiędzy obu państwami, w którym zawarta jest umowa na temat współdziałania przeciwko państwu radzieckiemu. Właśnie z tych przede wszystkim względów prześladowanie ludności polskiej, zamieszkałej na terenie ZSRR, rozpatrywane było przez Stalina jako niezbędny warunek przygotowywania się do wojny oraz „czystki” kraju z potencjalnej możliwości do sformowania „piątej kolumny”.

Poczynając od roku 1929 przeciwko szeregowi komunistów polskich, zamieszkałych w ZSRR i piastujących różne stanowiska partyjne, wojskowe i gospodarcze, wystosowano oskarżenia o przynależność do Polskiej Organizacji Wojskowej (POW), zaś w roku 1933 zostały przeprowadzone pierwsze aresztowania przez to spowodowane.

POW powstała na początku Pierwszej wojny światowej na terenie Cesarstwa Rosyjskiego jako podziemna wojskowa organizacja patriotyczna. Jej podstawowym celem było jak najobszerniejsze wspieranie Legionów Józefa Piłsudskiego, które brały udział w wojnie po stronie Austro-Węgier, w tym działania wywiadowcze na ich korzyść. W pierwszym okresie POW działała przeciwko Rosji, zaś w latach 1917–1918 – przeciwko Niemiec, później po odrodzeniu się Rzeczypospolitej, w końcu 1918 roku została włączona do składu Wojska Polskiego i formalnie przestała istnieć. Jednak w latach 1918–1920 była wykorzystywana w celach

wywiadowczych na terenach objętych przez Wojnę domową, między innymi na Ukrainie. Ona rozpatrywana była przez kierownictwo radzieckie jako organizacja kóntrewolucyjna. W piśmie służbowym Zarządu Głównego d/s Bezpieczeństwa Państwowego (ZGBP) NKWD z dnia 11 sierpnia 1937 roku „O działalności faszystowsko-powstańczej, szpiegowskiej, dywersyjnej i terrorystycznej wywiadu polskiego w ZSRR”, w którym twierdzono, że POW (w owym okresie już od dawna nie istniejąca) kontynuuje swoją działalność, skala tej działalności przedstawiona została w postaci nierealnej, mocno wyolbrzymionej. W piśmie służbowym ZGBP wymieniono, że POW prowadzi w ZSRR pracę szpiegowską i dywersyjną, że członkowie organizacji głęboko zakorzenili się w Komunistycznej Partii Polski (KPP), zdobyli stanowiska kierownicze w partii i w polskiej sekcji Komitetu Wykonawczego Międzynarodówki Komunistycznej, że POW zasyła prowokatorów celem rozkładu partii, wykorzystywała kanały partyjne celem zakorzeniania szpiegów i dywersantów w ZSRR, że działalność organizacji – to „praca, skierowana na przeistoczenie partii komunistycznej na dodatek do piłsudczyzny, celem wykorzystania jej wpływów dla działań antyradzieckich podczas wojennej napaści Polski na ZSRR”. W przeciągu długich lat od roku 1929 „sprawa POW” służyła w charakterze pożywki dla deskredytacji KPP.

W latach 1934–1936 zachodzi zauważalne zaostrzenie kursu represji wobec osób narodowości polskiej, a zwłaszcza w stosunku do przedstawicieli KPP i jej organizacji autonomicznych – Komunistycznej Partii Zachodniej Ukrainy i Komunistycznej Partii Zachodniej Białorusi.

We wrześniu 1935 roku przez Kijów, Mińsk i Moskwę przetoczyła się fala aresztowań, przeznaczonych, według wersji

oficjalnej, położyć kres tak zwanej sieci agenturalnej POW. Jednocześnie z tą akcją rozpoczęto likwidację polskich autonomii regionalnych. Zgodnie z rozporządzeniem Rady Ministrów ZSRR nr 776-120 z dnia 28 kwietnia 1936 roku z nadrukiem „ściśle tajne” z obwodów przygranicznych Ukrainy SRR (głównie Kamieniec-Podolskiego, Winickiego i Żytomirskiego) deportowano do Kazachstanu około 36 tysięcy Polaków.

Aresztowania z lat 1935–1936 znalazły odbicie nie tylko w „czystce” aparatu Międzynarodówki Komunistycznej, jednego z oręży zagranicznej działalności politycznej ZSRR, lecz również aparatu NKWD – najważniejszego instrumentu realizowania polityki wewnętrznej. Najpierw ściganie sądowe objęło wyższych hierarchów bezpieczeństwa państwowego, po tym rozpoczęto przesłuchiwanie również członków szeregowych. Na plenum KC WKP(b) w czerwcu 1937 roku Nikołaj Jeżow poinformował zebranych na temat, że POW „zakorzeniła się do radzieckich organów wywiadowczych” oraz że NKWD udało się „ujawnić i zlikwidować największą z polskich podziemnych organizacji szpiegowskich”.

Pierwszym ogniwem w łańcuchu ujawniania polskich „szpiegów”, którzy zakorzenili się do organów bezpieczeństwa państwowego, stała się sprawa Jerzego Makowskiego – kierownika Działu Specjalnego Zarządu NKWD na obwód Omski, który poprzednio działał w Polsce jako rezydent wywiadu radzieckiego. Makowskiego zaarrestowano w dniu 28 grudnia 1935 roku. W zagranicznym mieszkaniu konspiracyjnym w jego sejfie znaleziono o wiele więcej pieniędzy, niż on zadeklarował, oraz przechowywane w nim listy jego siostry, zamieszkałej w Polsce. W tych listach datowanych 1926 rokiem, wymienieni byli wśród znajomych wybitni polscy urzędnicy państwowi. Wszystko to stało się podstawą do podejrzeń. W końcu roku

1936 zaarrestowany został jeszcze jeden były rezydent wywiadu radzieckiego w Polsce Wincenty Ilinicz oraz były zastępca kierownika Wydziału Specjalnego Zarządu NKWD na obwód Saratowski Ignacy Sosnowski. W toku śledztwa wobec nich zastosowano metody oddziaływania fizycznego, więc obaj zeznali, że należeli do POW oraz że wykonywali zadania organów wywiadowczych Polski.

Później liczni współpracownicy Międzynarodówki Komunistycznej oraz NKWD pod presją tortur wymieniali setki innych Polaków – „współuczestników działalności szpiegowskiej”. We wspomnianym piśmie służbowym NKWD ZSRR z dnia 11 sierpnia 1937 roku, poświęconym działalności wywiadu polskiego, jest mowa o tym, że w ZSRR dokonano „całkowitego opanowania i sparalizowania całej naszej działalności wywiadowczej

NKWD

przeciwko Polsce i systematycznego zakorzeniania członków organizacji do WCzK-OGPU-NKWD oraz do Zarządu Wywiadowczego Robotniczo-Chłopskiej Armii Czerwonej celem czynnej pracy antyradzieckiej”.

W okresie poprzedzającym „Wielki Teror” około 35% z ogółu zaarrestowanych niby to za szpiegostwo oskarżono o przynależność do polskich organów wywiadowczych: w roku 1935 z 6409 aresztowanych – 2253 osób, zaś w roku 1936 z 3669 – 1275 osób.

W okresie masowych represji z lat 1937–1938 walka z kontyngentem szpiegowsko-dywersyjnym staje się szczególnie aktualną, dlatego w dniu 11 sierpnia 1937 roku w NKWD za podpisem Nikołaja Jeżowa powstaje rozkaz operacyjny nr 00485 polecający „zniszczyć polskie grupy szpiegowsko-dywersyjne i powstańcze”. Razem z piśmie służbowym „O działalności faszystowsko-powstańczej,

N. Jeżow. 1937 r.

szpiegowskiej, dywersyjnej i terrorystycznej wywiadu polskiego w ZSRR” został on rozlokportowany do wszystkich organów lokalnych NKWD.

Celowość jednoczesnego wydania tych dwóch dokumentów była uzasadniona przez niektóre właściwości przygotowywanej akcji. W odróżnieniu od poprzedniego rozkazu operacyjnego nr 00447, który skierowany był przeciwko „tradycyjnym” wrogom władzy radzieckiej, tym, których aresztowywano i skazywano w ciągu długich lat, rozkaz nr 00485 wywoływał pewne wątpliwości. Po pierwsze, chociaż chodziło w nim nie o Polaków jako takich, lecz o szpiegów polskich, wynikało zeń, że pod podejrzeniem znalazła się prawie cała ludność polska w ZSRR, co przeczyło oficjalnie gloszonym hasłom internacjonalistycznym. Po drugie, nastawienie tego rozkazu nie było jasne ani dla kierowników, ani dla pracowników szeregowych NKWD, którzy mieli go wykonywać. Skierowany on był przeciwko nietradycyjnym dla nich kategoriom osób, na przykład, przeciwko wszystkim zbiegom lub wszystkim jeńcom wojennym. Nie tym, których podejrzewano o wrogą działalność, lecz właśnie wszystkim. W praktyce NKWD podobna dyrektywa stała się nowacją. Widocznie spodziewano się takiej reakcji na rozkaz nr 00485, więc równocześnie wydano pismo służbowe, które uzupełniało rozkaz oraz w pewnym sensie go uzasadniało.

Na trzydziestu kartkach pisma szczegółowo opisywana była działalność wywiadu polskiego na terenie ZSRR w ciągu dwudziestu lat. Właśnie owa działalność kierowana i wykonywana była przez POW razem z Drugim (wywiadowczym) oddziałem polskiego Sztabu Generalnego. Według pisma, agenci POW przekradli się nie tylko do kierownictwa KPP i polskiej sekcji Międzynarodówki Komunistycznej, lecz również w postaci zbiegów i emigrantów politycznych przedostali się na stanowiska kierownicze do ważniejszych komisariatów ZSRR. I to mając na względzie wyłącznie szkodnicze cele – obalenie władzy radzieckiej oraz ponowny podział terytorialny. Obficie temu sprzyjało pożywcze środowisko: według danych ze wszechzwiązkowego spisu ludności, w roku 1937 w ZSRR zamieszkiwało 636 220 etnicznych Polaków, z tej liczby w USRR – 417 613 osób, w BSRR – 119 881 osób, w RSFRR – 92 078 osób.

Góra organizacji „sprzed okresu obecnego” (czyli sprzed sierpnia 1937 roku) uważana była za zniszczoną, więc zadaniem podstawowym dla organów NKWD, jak to zostało sformułowane w uwagach wstępnych do rozkazu, stała się „kompletna likwidacja nie dotkniętej na razie dołówki POW oraz podstawowych zasobów ludzkich wywiadu polskiego w ZSRR”.

Do pozbawienia wolności wytypowano osiem kategorii osób:

a) wykryci w toku śledztwa, lecz dotychczas nie odnalezieni najbardziej aktywni członkowie POW, według załączonego wykazu;

b) wszyscy pozostali w ZSRR jeńcy z Wojska Polskiego;

c) zbiegowie z Polski niezależnie od czasu ich przejścia do ZSRR;

d) polscy emigranci polityczni oraz osoby, które w drodze wymiany otrzymały azyl polityczny;

e) byli członkowie PPS oraz innych polskich antyradzieckich partii politycznych;

f) najbardziej aktywna czołówka lokalnych antyradzieckich nacjonalistycznych elementów z regionów polskich.

Poza tym rozkaz głosił: „Należy niezwłocznie zaarrestować wszystkie osoby, które zostaną wymienione w toku zeznań szpiegów, szkodników i dywersantów”. W ten sposób faktycznie wydany został rozkaz na mocy którego należało pozbawić wolności wszystkie osoby narodowości polskiej.

Początek akcji, przeprowadzanej celem unieszkodliwienia elementu polskiego, wyznaczony został na dzień 20 sierpnia 1937 roku. Na „usunięcie” przeznaczono ściśle trzy miesiące.

Rozkaz przewidywał, że sprawy osób, aresztowanych zgodnie ze sporządzonym wykazem, opatrzone krótką wzmianką dotyczącą sedna oskarżenia, rozpatrywane będą w drodze pozasądowej.

Wkrótce do wykazów wpisano również żony oraz dzieci więźniów. Właśnie w dniu 2 października 1937 roku Nikołaj Jeżow na mocy rozporządzenia specjalnego poszerzył o członków rodzin osób, pozbawionych wolności na mocy rozkazu nr 00485, zakres stosowania swojego rozkazu z dnia 15 sierpnia 1937 roku „O poddaniu represjom żon zdrajców ojczyzny, członków prawicowo-trochistowskich organizacji szpiegowsko-dywersyjnych, skazanych przez Kolegium Wojskowe lub przez trybunał wojskowe”. Zgodnie z tym rozkazem pozbawienie wolności objęło wszystkie żony osób, skazanych przez wymienione organy sądowe, bez względu na związek z „działalnością kontrrewolucyjną” męża, oraz ich dzieci w wieku starszym od 15 lat, jeżeli one zostały uznane za „niebezpieczne dla społeczeństwa, oraz zdolne do działalności antyradzieckiej”. Żony z wyroku Narady Specjalnej więzione były w obozach na okres 5–8 lat, dzieci w wieku starszym od 15 lat, w zależności od zebranych opinii, kierowano do obozów, kolonii lub domów dziecka o reżymie specjalnym. Osierocone dzieci w wieku od 1 roku do 15 lat kierowano do żłobków lub domów dziecka, należących do Ludowego Komisariatu Oświaty. Wkrótce stało się jasne, że na przeszkodzie wykonaniu dyrektywy z dnia 2 października stoją trudności techniczne – napływ żon uwięzionych Polaków okazać się miał nieoczekiwanie wysokim, natomiast możliwości rozlokowania kobiet po więzieniach były stosunkowo ograniczone. Prócz tego ujawnił się ostry brak miejsc w i bez tego spełnionych przytułkach dla dzieci.

(Dokończenie na str. 16)

(Dokończenie. Początek na str. 14)

ZTEGO powodu już w dniu 21 listopada 1937 roku Jeżow musiał tę swoją dyrektywę odwołać. Jednocześnie on oświadczył, że w przyszłości żony więzionych Polaków zostaną wysiedlone z miejscowości ich zamieszkania. Podobno ów wymiar stosowany był sporadycznie i to wyłącznie w niektórych regionach, zaś w sposób konsekwentny na terenie ZSRR w całej swej pełni wcielony w życie nie został.

Prócz kategorii osób, które zostały wymienione w rozkazy nr 00485, poczęto wyłaniać, z inicjatywy wyłącznie własnej, coraz to nowe kategorie osób, do represjonowania w ramach akcji „polskiej”. Mianowicie w niektórych regionach rozpoczęto aresztowania osiadłych w ZSRR polskich jeńców z czasów Pierwszej wojny światowej,

procesowy tryb skazywania – „albumowy”. Po zakończeniu śledztwa na każdego oskarżonego sporządzano notatkę informacyjną „zawierającą krótkie streszczenie materiałów śledczych i agenturalnych, charakteryzujących stopień winy aresztanta”. Poszczególne notatki należało zbierać i co dziesięć dni przepisywać w postaci wykazu, który rozpatrywany był przez komisję z dwu osób – kierownika NKWD–UNKWD oraz prokuratora. Stąd powstała potoczna, nie spotykana w obiegu oficjalnym, nazwa tego organu – „dwójka”. Zadaniem „dwójki” było zakwalifikowanie oskarżonego do jednej z dwu kategorii: kategoria pierwsza, podlegająca śmierci przez rozstrzelanie, do której zaliczano w całości szpiegowskie, dywersyjne, szkodnicze oraz powstańcze kadry wywiadu polskiego; do kategorii drugiej zaliczano mniej aktywnych, których skazywano na 5–10 lat

Polski i zaliczonych do góry „sieci szpiegowsko-dywersyjnej”, zostało skazanych przez Kolegium Wojskowe Sądu Najwyższego ZSRR lub trybunały wojskowe. Wyroki skazujące z „linii polskiej” wydawane były również przez Naradę Specjalną (NS), która rozpatrywała sprawy więźniów oraz ich żon. Rola represyjna NS została umocniona na podstawie osobnej decyzji Biura Politycznego z dnia 5 września 1937 roku, na mocy której NS upoważniono „w sprawach o działalność antyradziecką byłych polskich zbiegów, byłych członków PPS itp. wydawać wyroki do 10 lat więzienia łącznie”.

Początkowo dla wykonania akcji „polskiej”, która została rozpoczęta w dniu 20 sierpnia, przeznaczono trzy miesiące. Termin ten stale był przesuwany jednocześnie z terminami na wykonanie innych „akcji wobec kontyngentów narodowościowych”: najpierw

AKCJA „POLSKA”

którzy walczyli w składzie legionów Piłsudskiego, armii niemieckiej i austro-węgierskiej, a później również jeńców rosyjskich z niewoli polskiej. W aparacie centralnym NKWD to samorzutne powstanie nowych kategorii nie spotkało zastrzeżeń, zaś w lutym 1938 roku ostatnia z nich nawet została zlegalizowana.

W toku akcji „polskiej” przedsięwzięto dodatkowe kroki celem wykrycia osób, posiadających kontakty wśród obcokrajowców. W dniu 28 października 1937 roku wydany został rozkaz NKWD ZSRR nr 00698, skierowany na ścisłe blokowanie ambasady i konsulatów Polski, a także Niemiec, Japonii i Włoch celem uniemożliwienia, przez niezwłoczne zaarrestowanie, jakichkolwiek kontaktów obywateli radzieckich z przedstawicielami dyplomatycznymi. Z pośród obywateli państw obcych aresztowaniu podlegały wyłącznie ci, których podejrzewano o wrogą działalność wobec ZSRR.

W „pismie służbowym” wyliczono cały zestaw możliwych oskarżeń: szpiegostwo w każdej dziedzinie, szczególnie w wojskowej, szkodnictwo we wszystkich strefach gospodarki narodowej, terror, uczestnictwo w komórkach powstańczych, oraz przygotowywanie powstania zbrojnego na wypadek wojny, agitacja antyradziecka itp.

Podczas akcji zalecano szczególną uwagę zwracać na skrupulatne wyeliminowanie osób podejrzanych z terenów przygranicznych, z przedsiębiorstw przemysłowych, szczególnie o znaczeniu obronnym, komunikacji, portów, wojska, marynarki, sił zbrojnych NKWD i organów NKWD.

Cały ten niepowtarzalnie wszechogarniający wykaz oskarżeń był czynnie wykorzystywany w toku realizowania „rozkazu polskiego”.

„Rozkaz polski” nr 00485 stworzył zasadniczo nowy w praktyce OGPU-NKWD

J. Stalin i N. Jeżow, 1937 r.

pozbawienia wolności w więzieniach lub obozach. Następnie wykaz wysyłano do Moskwy, gdzie on był ostatecznie rozpatrywany i zatwierdzany przez Ludowego Komisarza Spraw Wewnętrznych oraz Prokuratora Generalnego, czyli Jeżowa i Wyszyńskiego. Następnie wykaz zwracano do regionu celem wykonania wyroku.

Według „porządku albumowego” skazywano przytłaczającą większość, lecz tym nie mniej, nie wszystkich zaarrestowanych z „linii polskiej”. Albumy przeznaczone były dla „dołówek”, dla tych, którzy zostali pozbawieni wolności na mocy rozkazu nr 00485. Wielu z oskarżonych za szpiegostwo na korzyść

do 10 grudnia, później do 1 stycznia 1938 roku, do 15 kwietnia i, ostatecznie, zdecydowano zakończyć „akcję polską” w dniu 1 sierpnia 1938 roku. Wyjątek zrobiono dla Białorusi, gdzie akcję kontynuowano do dnia 1 września.

„Kontyngentu narodowościowego” okazać się miało o tyle za dużo, że lokalne „dwójki” nie nadążały rozpatrywać nadechodzące „albumy”. Moskwa, obowiązana je parafować, utonęła w sprawach, nadsyłanych z regionów. Sprzed lata 1938 roku w Centrum zgromadziło się „albumów” na ponad 100 tysięcy osób. Z miejsc sypały się skargi, że z tego powodu przeładowane są więzienia, że za drogie jest utrzymywanie więźniów, faktycznie już

L. Beria

NKWD

skazanych na zagładę itp. Możliwie, że właśnie z tej przyczyny w dniu 15 września 1938 roku Biuro Polityczne postanowiło odwołać „porządek albumowy” skazywania oraz powołać w każdym regionie „trójki specjalne” do wydawania wyroków, wieńczących „akcje narodowościowe”. Skład osobowy „trójek specjalnych” nie wymagał zatwierdzenia przez Biuro Polityczne. Wcielano do niego tylko z urzędu i to wyłącznie pierwsze osobistości: lokalny przywódca partyjny, prokurator, kierownik NKWD-UNKWD. Decyzje, podjęte przez „trójki specjalne” nie wymagały zatwierdzenia przez Moskwę i wykonywane były niezwłocznie. „Trójki specjalne” upoważniono do zwalniania oskarżonych (widoczny objaw tego, że masowe represje już zbliżały się do końca, – przedtem, w akcjach „albumowych”, możliwości zwolnienia nie przewidywano). Okres dla ich działania ustalono na dwa miesiące. Powinny one były rozpatrywać sprawy więźniów do dnia 1 sierpnia 1938 roku. Sprawy zaaresztowanych po tej dacie należało kierować do sądów, trybunałów, Kolegium Wojskowego lub Narady Specjalnej.

Na podstawie tej decyzji w dniu 17 września 1938 roku powstał rozkaz NKWD nr 00606, zaś w ciągu dwu następnych tygodni z Centrum do regionów zwrócono wszystkie nie rozpatrzone albumy. We wrześniu – październiku 1938 roku one skazały 105 tysięcy osób, z których ponad 72 tysiąca – na karę śmierci.

Działalność ‘trójek specjalnych’ została wstrzymana punktualnie – w dniu 15 listopada 1938 roku. Jednocześnie surowo rozkazano zawiesić wszystkie, nie wykonane do tego dnia, wyroki śmierci. W dniu 17 listopada 1938 roku we wspólnym postanowieniu Komitetu Centralnego WKP(b) i Rady Komisarów Ludowych ZSRR ogłoszono o zaprzestaniu wszystkich akcji masowych, zaś wydany po

nim rozkaz NKWD (podpisany już przez nowego komisarza ludowego Ł. P. Berię) odwołał wszystkie rozkazy operacyjne z lat 1937–1938 oraz dyrektywy je uzupełniające.

W łonie systemu represyjnego z lat 1937–1938 akcje narodowościowe zajmują szczególne miejsce. One ściślej od innych związane są z odczuwaniem przez Stalina nadciągającej wojny, z jego strachem przed „piątą kolumną”. Wszystkie te państwa, których ludność została represjonowana, według Józefa Stalina marzą o zniszczeniu lub osłabieniu ZSRR, prowadzą wobec Związku Radzieckiego działalność wywrotową, czyli faktycznie znajdują się w stosunku do niego w stanie niewypowiedzianej (do czasu) wojny. Więc wobec ich agentów należy postępować według prawa wojny.

Zgodnie z rozkazem „polskim” z dnia 25 sierpnia 1937 roku do dnia 15 listopada 1938 roku rozpatrzone sprawy na 143 810 osób, z których skazano 139 835 osób, w tym na karę śmierci 111 091 osób, co wynosi 77,25% od liczby spraw rozpatrzonych oraz 79,44% od liczby skazanych. Należy zauważyć, że nie było żadnych dyrektyw, określających skalę wyroków śmierci. Nie było podobnych dyrektyw również odnośnie poszczególnych regionów (w odróżnieniu od akcji w ramach rozkazu nr 00447, który przewidywał ściśle limity skazań zarówno z pierwszej, tak i z drugiej kategorii) – widocznie wiele zależało od inicjatywy lokalnego kierownika NKWD-UNKWD, i z tej przyczyny odsetki o wiele się różniły. Na przykład, w obwodzie Kujbyszewskim odsetek straconych w stosunku do ogółu skazanych (dane ze wszystkich akcji narodowościowych) wynosił 48,16%, w Wołogodzkiem – 46,5%, w Armenii i Gruzji 31,46% i 21,84% odpowiednio; zaś w obwodzie Leningradzkim i na Białorusi wynosił 87–88%, w Kraju Krasnodarskim oraz obwodzie Nowosybirskim ponad 94%, i wreszcie w „rekordowym” obwodzie Orenburskim sięgał 96,4%.

Masowość represji z „linii polskiej” bynajmniej nie była wywołana przez jakąś specjalną niechęć Stalina do Polaków. Chodziło nie o Polaków jako takich, lecz o Polskę. Akcje narodowościowe zostały przeprowadzone „według linii” praktycznie wszystkich krajów z „wrogiego okrażenia”, lecz nie narodowość stanowiła kryterium „przestępstwa”, lecz miejsce urodzenia się lub każdego rodzaju związków z tym krajem. Za pomocą ankietowania organy NKWD ujawniały klasowy, socjalny lub polityczny status represjonowanych. W akcjach narodowościowych z lat 1937–1939 po raz pierwszy w charakterze przyczyny do represji figuruje ankietowy „związek z zagranicą”, który dotychczas stanowił wyłącznie powód do podejrzeń. W pierwszej kolejności pozbawiano wolności tych, którzy przedtem zamieszkiwali w Polsce, a później z powodu jakichś okoliczności znaleźli się w Związku Radzieckim, w drugiej kolejności tych, którzy utrzymywali związki z Polską, oraz wreszcie, najbliższe środowisko tych i tamtych. Ma się

rozumieć, że większość z aresztowanych wynosili Polacy, lecz daleko nie wszyscy. Tak samo, jak nie wszyscy zaaresztowani Polacy zostali pozbawieni wolności z „linii polskiej”. Przyczyna tego zjawiska polegała na tym, że początkowo narodowość notowano według słów podejrzanego, zaś później wiadomości co do składu narodowościowego podsumowywane nie były. Dopiero w dniu 16 maja 1938 roku NKWD ZSRR zobowiązał organy lokalne do objęcia w swych sprawozdaniach również danych ze składu narodowościowego aresztantów.

Ogółem „trójki specjalne” w ciągu tych dwóch miesięcy skazały 105 032 osoby. Polaków z narodowości (czyli tych, których na podstawie dowodu osobistego lub innego dokumentu wpisano do sprawy śledczej jako Polaków), wśród nich było najwięcej – 21 258 osób (w dalszej kolejności byli: Niemcy – 17 150 osób, Rosjanie – 15 684 osoby, Ukraińcy – 8773 osoby, Białorusini – 5716 osób...). Z liczby ogólnej skazanych przez „trójki specjalne” (105 032 osób), skazanych w ramach akcji „polskiej” było 36 768 osób. Wśród nich Polaków było 20 147 osób, Białorusinów – 5215 osób, Ukraińców 4991 osób, Rosjanów 3235 osób, Żydów – 1122 osoby, Niemców – 490 osób, Litwinów – 396 osób, Łotyszy – 271 osób, Estończyków – 112 osób, Czechów – 87 osób, Cyganów – 87 osób, Austriaków – 59 osób, Bułgarów – 53 osoby, Węgrów – 47 osób, Rumunów – 29 osób, Greków – 27 osób, Mołdawianów – 26 osób, Tatarów – 23 osoby, innych – 362 osoby. Swoją drogą Polaków skazywano również w „ramach” wszystkich innych akcji, najwięcej niemieckiej (500 osób) oraz Łotewskiej (209 osób).

Ogółem w ramach „akcji polskiej” skazano prawie 140 tysięcy osób. Stanowi to prawie 10% z liczby ogólnej skazanych w toku masowych represji politycznych w latach 1937–1938. Jeżeli chodzi o pozbawionych wolności (nie o skazanych, lecz właśnie o zaaresztowanych) Polakach, to liczby są raczej przybliżone. Razem w ciągu dwu lat „Wielkiego Teroru” przez organy NKWD ZSRR (wyluczając milicję) zaaresztowano nieco ponad 1 miliona 600 tysięcy osób. Wśród nich Polaków 118–123 tysięcy osób. W tej liczbie w ramach akcji narodowościowych (przeważnie „polskiej”) – 96–99 tysięcy osób, pozostali zaś (w dwu prawie równych częściach) – w ramach rozkazu nr 00447 lub innych kierunków represji.

Umotywowanie „akcji polskiej” było w zasadzie jasne: ZSRR, który deklarował internacjonalizm, upatrywał w najbliższej sąsiedce realne zagrożenie dla władzy radzieckiej. Polska była uważana przez kierownictwo radzieckie za przyczółek państw europejskich dla działalności wywrotowej przeciwko dyktaturze proletariatu i ewentualnej agresji wojennej.

Brak zaufania kierownictwa radzieckiego do Polski i Polaków, szczególnie podejrzliwy stosunek Stalina do tego kraju, powstały na gruncie wielowiekowych konfliktów historycznych.

TWÓRCZOŚĆ NASZYCH CZYTELNIKÓW

МОЙ КРАКОВ

*Я в Кракове ни разу не был,
Не шёл по набережной Вислы,
Не видел утреннего неба,
Над Вавелем и Суkenницями.*

*А может быть, что мои предки
Учились в университете
Том, Ягеллонском, знаменитом,
Что праздновал шестисотлетие.*

*И дальние мои прабабки
В костёле Пресвятой Марии
За сыновей своих молились
И счастья дочерям просили.*

*А с башни Мариаккой ныне
Звучит сигнал трубы тревожный,
Не о моём ли предке в память —
Ведь в этой жизни всё возможно.*

*Что побудило моих дедов
Покинуть этот древний город?
Надежды, войны или беды?
Была ль на то чужая воля?*

Сергей ГАННОЧКА

NASZE KALENDARIUM

- 1100 lat** – Śmiercią męczeńską zginął biskup Wojciech, patron Kościoła Polskiego (dnia 23 kwietnia 997 roku)
- 520 lat** – Utworzenie biskupstwa rzymsko-katolickiego w Wilnie (dnia 17 lutego 1487 roku)
- 355 lat** – Pierwszy wypadek wykorzystania zasady „liberum veto” (dnia 9 marca 1652 roku)
- 320 lat** – Zmarł Jan Heweliusz, wielki astronom (dnia 28 stycznia 1687 roku)
- 290 lat** – Odbył się pod presją wojsk rosyjskich tzw. „Sejm Niemy”, na którym żaden z posłów nie był dopuszczony do głosu (dnia 1 lutego 1717 roku)
- 260 lat** – Urodził się Kazimierz Pułaski, generał, jeden z najwybitniejszych partyzantów Konfederacji Barskiej, bohater narodowy Stanów Zjednoczonych (dnia 4 marca 1747 roku)
- 215 lat** – Zawiązanie Konfederacji Targowickiej (dnia 27 kwietnia 1792 roku)
- 210 lat** – Utworzenie Legionów Polskich we Włoszech (dnia 9 stycznia 1797 roku)
- 195 lat** – Urodził się hrabia Zygmunt Krasieński, dramatopisarz i poeta (dnia 19 lutego 1812 roku)
- 185 lat** – Urodził się Ignacy Łukasiewicz, aptekarz, twórca polskiego przemysłu naftowego (dnia 8 marca 1822 roku)
- 185 lat** – Zmarł Józef Wybicki, działacz polityczny, publicysta, pisarz, autor „Mazurek Dąbrowskiego” (dnia 10 marca 1822 roku)
- 150 lat** – Urodziła się Gabriela Zapolska (z domu Korwin Piotrowska), pisarka, publicystka, aktorka (dnia 30 marca 1857 roku)
- 120 lat** – Zmarł Józef Ignacy Kraszewski, pisarz, historyk, działacz polityczny, publicysta (dnia 19 marca 1887 roku)
- 115 lat** – Urodził się Melchior Wańkowicz, pisarz i publicysta (10 stycznia 1892 roku)
- 115 lat** – Urodził się Stefan Banach, profesor, twórca lwowskiej szkoły matematycznej (dnia 20 marca 1892 roku)
- 105 lat** – Urodził się Józef Maria Bocheński, logik i filozof (dnia 30 stycznia 1902 roku)
- 105 lat** – Urodził się Stanisław Maria Saliński, pisarz (dnia 13 lutego 1902 roku)
- 100 lat** – Urodził się Stanisław Ryszard Dobrowolski, prozaik, poeta, satyryk, działacz społeczny i kulturalny (dnia 14 marca 1907 roku)
- 85 lat** – Urodził się Janusz Przymanowski, prozaik, publicysta, scenarzysta filmowy, tłumacz (dnia 20 stycznia 1922 roku)
- 80 lat** – „Mazurek Dąbrowskiego” został hymnem Polski (dnia 26 lutego 1927 roku)
- 70 lat** – Powstała decyzja o utworzeniu Centralnego Okręgu Przemysłowego (dnia 5 lutego 1937 roku)
- 70 lat** – Urodził się Edward Stachura, poeta (dnia 18 marca 1937 roku)
- 70 lat** – Zmarł Michał Drzymała, patriota polski, wóz którego stał się symbolem walki o polskość (dnia 25 kwietnia 1937 roku)
- 60 lat** – Odbyły się sfałszowane wybory do Sejmu Ustawodawczego (dnia 19 stycznia 1947 roku)
- 60 lat** – Zginął w walce z UPA generał Karol Świerczewski (Walter), (dnia 28 marca 1947 roku)
- 60 lat** – Rozpoczęła się „Akcja Wisła”, wysiedlenia ludności ukraińskiej do zachodnich regionów Polski (dnia 28 kwietnia 1947 roku)
- 45 lat** – Zmarł Władysław Broniewski, poeta i tłumacz (dnia 10 lutego 1962 roku)

Brzuch nie może, ale oczy chcą.
 Cierpliwość panią rzeczy.
 Co w sercu, to na języku.
 Gdy kto na jednym końcu miasta kichnie,
 na drugim mówią mu na zdrowie.
 Jak wilk komarowi pomoże,
 to i komar konia zmoże.
 Jaki pan, taki kram.
 Koniec języka za przewodnika.
 Lepsza żelazna wolność niż złote kajdany.
 Modli się pod figurą, a ma diabła pod skórą.
 Nie ma rodu bez smrodu.
 Po deszczu słońce, po pogodzie deszcz.
 Taki to na świecie tryb:
 marsz do kosza, kiedyś grzyb.

TUZIN PRZYSŁÓW

*Весь сыт, а глаза голодны.
 На хотенье есть терпенье.
 Что на душе, то и на языке.
 Скажешь с уха на ухо, а узнают с угла на угол.
 И комар лошадь свалит, коли волк пособит
 Каков поп, таков и приход.
 Язык до Киева доведёт.
 Золотая клетка соловью не потеха.
 Богу молится, а с чёртом водится.
 В семье не без урода.
 Где радость, тут и горе; где горе, там и радость.
 Назвался груздем. Полежай в кузов.*

DANIA KUCHNI POLSKIEJ

ВАРШАВСКИЕ ПОНЧИКИ

Начинаем с приготовления закваски из 60 г дрожжей, 100 г муки, столовой ложки сахара и примерно 1/3 стакана молока. Когда закваска достаточно поднимется, добавляем 400 г муки, 8 яичных желтков протёртых с 80 г сахара, примерно 1/4 л чуть подогретых не кислых сливок, истолчённый и просеянный через густое сито ванилин, 150 г растопленного тёплого сливочного масла, 1/3 чайной ложки соли и рюмку спирта. Можно добавить немного мелко натёртой кожуры лимона.

Тесто тщательно месим руками до тех пор, пока не перестанет прилипать к рукам и посуде. Оно должно быть не очень густым, блестящим и эластичным. Когда оно вновь начнёт подниматься, набираем ложкой порции граммов по 40 (лучше было бы взвешивать - тогда пончики получатся одинаковыми), в руке формируем небольшие лепёшки в середину которых чайной ложечкой помещаем начинку, края склеиваем, формируем шарики и раскладываем их на слегка присыпанную мукой салфетку склеенным местом вниз. Сформированные пончики накрываем салфеткой. Когда они поднимутся примерно вдвое, осторожно кисточкой или пёрышком сметаем с них муку и варим партиями в сильно разогретом масле в неглубокой и широкой кастрюле так, чтобы они плавали в жиру не касаясь друг друга. Излишнее зарумянивание действительно предотвращает помещение в кипящий смаец 2-3 минут

ков сырого картофеля или подливание время от времени 1-2 чайных ложечек воды. Когда пончики снизу подрумянятся, осторожно их переворачиваем. Готовые аккуратно вынимаем, даём стечь жиру, например на широком волосяном сите или на бумажной салфетке. Ещё горячие пончики густо обсыпая сахарной пудрой, ароматизированной ванилином. А остывшие пончики можно покрыть жидкой пуншевой глазурью. Ещё влажную глазурь присыпаем мелко нарезанной обжаренной в сахаре апельсиновой кожурой.

Классической начинкой для польских пончиков является густой конфитюр из роз, смешанный с мелко порезанным, а ещё лучше толчёным миндалём. На приведённую порцию теста следует приготовить начинку из 150 г слегка подогретого протёртого розового конфитюра (вес после того, как стечёт излишний сироп!) и 80 г лушёного толчёного миндаля.

Редакция газеты «Польские ведомости» приносит благодарность администрации муниципального образования город Краснодар за помощь в издании этого выпуска.

**WIADOMOŚCI
 POLSKIE**
 Nr 1 (16), 2007 r.

Kolegium redakcyjne:
 Aleksander KORWIN PIOTROWSKI,
 Aleksander SIELICKI

**ПОЛЬСКИЕ
 ВЕДОМОСТИ**
 № 1 (16), 2007 г.

Редакционная коллегия:
 Александр ПЕТРОВСКИЙ,
 Александр СЕЛИЦКИЙ

Pismo Krasnodarskiej Organizacji Regionalnej
 Polskie Centrum Narodowo-Kulturalne "Jedność"
 Adres redakcji: 350040, m. Krasnodar, ul. Stawropolskaja, 149. KubGU.
 FISMO. Pok. 253. Tel. kom.: 8-918-217-90-77, fax: (861) 219-95-20.
 e-mail: poloniakubania@mail.ru Nakład 999 egz. <http://www.kubanetnos.ru>

Издание Краснодарской региональной общественной организации
 Польский национально-культурный центр "Единство"
 Адрес редакции: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. КубГУ.
 ФИСМО. Комн. 253. Тел. сот.: 8-918-217-90-77, факс.: (861) 219-95-20.
 e-mail: poloniakubania@mail.ru Тираж 999 экз. <http://www.kubanetnos.ru>

Печать офсетная. Объем 2,5 п. л. Заказ № 1010.

Отпечатано в типографии ООО "Типография "Краснодарские известия": г. Краснодар, Восточная промзона, ул. Бершанской, 353/2. Подписано в печать 18.06.2007 г.

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

1947 год

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

ШАРИКОВУЮ ручку ладонь удерживала в рабочем положении. И для меня и для Лема всё тогда закончилось благополучно, а содержание лекций я позже переписал из конспектов отличника Воронина.

Именно «Солярис» многих из нас потряс и практически у всех в то время вызывал состояние глубинного внутреннего вопроса к самому себе. И при любом удобном случае мы, каждый по-своему, пытались роман как-то трактовать. Причём многие так и не смогли чётко сформулировать собственное резюме. Но всех нас объединяла серьёзность восприятия этой философски масштабной работы. А попытка заглянуть в собственную человеческую суть была прямым следствием такого восприятия. При этом неизменно возникал вопрос, что это такое Совесть? Твоя, лично-индивидуальная и наша общая. Именно в связи с глобальностью рассматриваемой проблемы многие читатели и литературные критики справедливо считают «Солярис» наиболее значимым крупным фантастическим произведением века.

Следует отметить, что ни американская киноверсия «Соляриса» из-за голливудских «прибамбасов», ни советская из-за цензурных обрезаний Лему не понравились. Он даже потребовал убрать своё имя из титров фильма Тарковского.

Станислав Лем родился 12 сентября 1921 года во Львове в семье врача. В четыре года он уже читал. У юного Стася был выявлен самый высокий интеллект по результатам тестирования его сверстников-учащихся. В 1939 году он окончил среднюю школу и поступил во Львовский медицинский институт. В 1946 году семья переезжает в Краков, где два года спустя Станислав заканчивает медицинский факультет Ягеллонского университета. Дебютировал Лем в 1946 году как поэт, публицист, критик и переводчик.

Его первые научно-фантастические повести «Астронавты» (1951) и «Магелланово облако» (1955) были полны оптимизма и веры в возможности человеческого познания. До полёта человека в Космос и, особенно — на Луну, всё казалось достижимым: и завоевание Вселенной и встречи с внеземными цивилизациями. В 1960-е годы настроения Лема зримо меняются. Это заметно уже в «Солярисе» (1961), герой которого не может общаться с мыслящим океаном, понять его.

к истине, сколько к славе, наградам и деньгам. Из этой сферы исчезла важнейшая для Лема составляющая — этика. Теперь Лем ставит вопрос так: «Куда мы идём, каково будущее нашей планеты?». Лем не исключает вероятности гибели человечества или вытеснения его другим видом.

Лем удовлетворял в нашей стране больше чем потребность — жажду. Советские читатели сталкивались в его фантазиях со свободой человеческой мысли, своей мо-

1963 год

стью объединившей и героев и автора. В тогдашней публичной жизни мощь мысли не существовала как ценность — за нас думала партия. Фантазии же Лема всегда основывались на знании тенденций науки — многие его прогнозы сбылись. Сотовые телефоны, всемирная паутина, виртуальный мир десятилетия тому назад существовали лишь в литературной Вселенной Лема.

11 сентября 2001 года, накануне того дня, когда Лем отмечал своё восьмидесятилетие, произошло одно из самых драматичных совпадений его творческого предсказания и реальной действительности. В вышедшей ещё в 1976 году книге «Насморк», когда подобное казалось ещё совершенно немыслимым, Лем предупреждал об угрозе для цивилизации со стороны международного терроризма. Он предвидел не только научные открытия, но и их последствия для общества.

Последнее, чрезвычайно тёплое еженедельное эссе в католическом «Тыжднике Повсехном», с которым Станислав Лем сотрудничал в течение долгих лет, было посвящено россиянам.

Как быстро бежит время! Полёт Юрия Гагарина, выход человека в открытый космос, высадка на Луну, выход космических зондов «Вояджер» и «Пионер» за пределы Солнечной системы — всё это происходило на нашей памяти. Так что же всё-таки идёт впереди? Достижения человечества вдохновляют писателей братья за перо? А, может, фантасты своими идеями воодушевляют героев на новые подвиги и штурмы? Станислав Лем на этот вопрос уже никогда не ответит. Его не стало год назад, 27 марта 2006 года. С ним ушла эпоха...

Игорь ЯСИНСКИЙ

1995 год

Лем осознал, что даже если мы не одни во Вселенной — всё равно быстротечность человеческой жизни не позволит нам достичь иных цивилизаций. Лем спускается с небес на Землю, но увиденное здесь тоже не вдохновляло. Лем формировался в то время, когда принято было считать, что главное для учёного — служить науке. Научное сообщество чувствовало ответственность за свои открытия и ставило целью поиск истины. С течением времени наука всё больше коммерциализировалась и учёные стали стремиться не столько

